

НИКОЛАЙ КЛИМОНТОВИЧ

ХОЧУ БЫТЬ В ЦИРКЕ ДРЕССИРОВЩИЦЕЙ

очерки рубежа тысячелетий

Москва
Издательство «БПП»
2010

СОДЕРЖАНИЕ

БУЛЬВАР	4
ВОКРУГ ОДНОГО ПРУДА	17
ГРОМКАЯ ОБИТЕЛЬ.....	33
ПЕРЕЙДЕМ ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ	49
ЕГО ЗОВУТ БАТЕЙ,.....	55
МНОГОЖЕНЕЦ	65
ХОЧУ БЫТЬ В ЦИРКЕ ДРЕССИРОВЩИЦЕЙ.....	69
ГОРОД У ОЗЕРА.....	85
БЫЛИ.....	101

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эти очерки писались в самом конце минувшего века, в 90-х. Все они, льщу себя надеждой, очерки писательские, хоть и деланы были для газет и тонких журналов: для почившего в бозе «Русского телеграфа», для «Огонька», для «Общей газеты» и по иным адресам. Они — разные, это и очерки путевые, и этнографические, и очерки нравов не без психологии. Сегодня, в следующем тысячелетии, будучи извлечены из памяти компьютера, мне они показались не безынтересными. А ведь автору бывает куда как лень перечитывать некогда написанное. И я льщу себя надеждой, что покажутся они забавными и для читателя, с которым мы вместе переживали совсем недавнее наше прошлое, хоть и отделенное уже от нас теперешних не только календарной межой, но и многими изменениями в нашем житье.

БУЛЬВАР

Это единственная улица в столице, две стороны которой лежат на разных берегах реки

Исток и устье

Прогулку начнем, исправив предварительно ошибку городской топографии, — точные дисциплины, когда речь о живой жизни, мы знаем, ненадежны. Согласно карте Цветной бульвар начинается, если смотреть вниз по течению его тайной подземной реки, — под эстакадой, между Садово-Сухаревской и Садово-Самотечной. На самом деле его начало, и это скрывает сухой план местности, в более возвышенном месте, на холме, где стоит подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: звон колоколов именно этой церкви беспрепятственно рассыпается по всему бульвару — вниз, к Центру. И именно прихожанами этого храма является оседлый бульварный, надо думать весьма немногочисленный ныне, православный люд.

Обрывается же бульвар — рестораном «Эрмитаж», бывшим, конечно. Здесь некогда пел для подгулявших славных друзей Федор Шаляпин, Петр Ильич Чайковский справлял здесь свою незадачливую свадьбу, здесь каждые 12-ого января (по старому стилю) скатывались дорогие ковры, запирались в шкафы сервизы, а полы посыпали опилками,— в Татьянин день тут резвились студенты Московского университета. Перед рестораном на Трубной площади гуляк поджидали рысаки, чтобы катить их на ночь к Яру — слушать цыганский хор. При

советской власти кабак кончился, завели нечто просветительское, нынче же здесь Театр современной пьесы, дающий представления в бывшем ресторанном зале, где под потолком сохранилась дореволюционная лепнина. Кому угодно, может взять на заметку эту победу «верха» над «низом».

Но ресторан, строго говоря, стоит уже не на бульваре, лишь лицом к нему. Украшает же бульварное устье примечательный монумент. Это мемориальная стела, посвященная павшим на посту «солдатам сил правопорядка», которую венчает кургузая фигура Георгия-Победоносца, попирающая змея. Должно быть, по замыслу авторов, бронзовая извивающаяся рептилия олицетворяет и «врагов народа», и диссидентов с тунецями собирательно. Но даже не это самое замечательное: если вы зайдете со стороны Трубной площади, где нынче упорно роет нечто «Метрострой», то увидите в основании монумента барельеф: мертвый сын-чекист на руках матери на фоне суровых «двенадцати», не иначе как из Блока, крайний из которых держит горящую свечу. Композиция отсылает нас к каноническому сюжету европейского изобразительного искусства «снятие с креста», что в свою очередь заставляет вспомнить о начале бульвара. В конце концов если блоковских «двенадцать» сопровождал Христос «в белом венчике из роз», то отчего бы и чекисту не быть символически распятым в борьбе со всяческой контрреволюцией...

Это — рамка бульварной композиции.

Два берега

Под бульваром течет Неглинка, левый приток Москва-реки, ее заточили в подземную трубу еще в екатерининские времена. Решение было смелое, но не совсем продуманное: в течении века по контрабандным стокам туда сплавляли нечистоты окрестные домовладельцы, а в сезон дождей вода с миазмами перла из сливных колодцев, и пространство от Трубной до Театральной площадей превращалось в зловонное болото, жижа заливала подвалы и даже магазины в первых этажах. Перед Малым театром образовывался внушительный пруд жидкой грязи, что, должно быть, лишь выгодно оттеняло художественные достоинства пьес Островского. Эти неприятности были преодолены, впрочем, еще в конце прошлого века: тогда провели очистные работы и реконструкцию клоаки.

Но сама река никуда не делась. Она так и течет под бульваром от Самотеки к Трубной: переулки на левом берегу уходят круто вверх — к Сретенке, на правом более полого, — к Каретному ряду. По невидимому же подземному руслу проходит естественная граница между двумя районами, а значит — каждый берег имеет своего хозяина.

Те, кто читал Гиляровского, несомненно помнят анекдот о том, как один полицейский околоток подбрасывал другому неопознанные трупы, перетаскивая их через бульвар, с одного берега на другой.

Традиция этого административного деления не пресеклась. Если стоять в начале бульвара спиной к эстакаде, то перед вами будут два неотличимых друг от

друга стеклянных павильончика с вывесками «Продукты-вино». Набор товаров в них одинаков — водка, сигареты, сыр «рокфор», ветчина в вакуумной упаковке. И цены одинаковые. Впору предположить, что принадлежат они одному хозяину, но это не так. Левым владеет хозяин-молдаванин, правым — азербайджанец. Любой, кто хоть немного представляет себе нынешние нравы столичной розничной торговли, подивится столь мирному соседству, предположив на худой конец, что по неисповедимости судеб хозяева эти между собой в родстве. И ошибется. Все дело в той же Неглинке. Павильончики эти стоят на разных ее берегах — фарватер как раз между ними, лишь метра на два глубже асфальта,— и по давней традиции находятся в ведении двух разных отделений милиции...

Левый берег респектабелен.

Идя по его отскобленному тротуару, вы увидите и логотип «Литературной газеты» на принадлежащей ей типографии, и вывеску фонда «Юные дарования», дальше, на старинном здании, пережившем «евроремонт», рядом с названиями трех-четырех обитающих здесь фирм вы обнаружите табличку с гравировкой «Палаццо «Цветной бульвар», именно так, поверьте на слово или пойдите взгляните; далее — вывеска «Деликатесы», еще дальше — «Импортная сантехника», а там — безымянный только что отреставрированный дворец, принадлежащий, по некоторым сведениям, компартии, что, по-видимому, последняя не афиширует, и, наконец, огромное бетонное здание, принадлежащее верхней палате Думы.

А вот берег правый.

Кондитерская и кофейная «Александрия» разделены магазином «Техас», перед которым днем гарцует фанерный голубого цвета ковбой — здесь торгуют американскими джинсами, быть может, из Таиланда; продуктовые лавочки, зеркальная мастерская в подворотне, несколько распивочных, в которых подделан даже греческий коньяк, загодя разбавлен шотландский виски, и натурально лишь «белое вино № 21», вывеска нотариальной конторы, которой на самом деле здесь давно нет, «Бинго» в помещении бывшего кинотеатра «Мир», показывающего-таки «эротические драмы» и триллеры, ресторан «38 попугаев» (и интересно, получает ли Григорий Остер с него гонорар за использованием марки), здесь же — контора «Лотто-телефон» с зазывной фразой «Позвони своей удаче», туристическая фирма, закрытый гей-клуб «Три обезьяны» — под вечер у не приметного входа караулит стайка солдат, неловко переминающихся с сапога на сапог; далее скобяная лавка, в которой теперь торгуют чем угодно — от отечественных конверсионных пылесосов до сирийских «французских» духов, но только не гвоздями, гриль-бар «Аннушка», обувные и платяные магазинчики, замызганная государственная почта и элегантный филиал частного «Мост-банка», старое здание Центрального рынка с марлевой то ли фатой, то ли паранджой на фасаде, починочная мастерская часов; у метро — один из последних на свете айсорских киосков чистки обуви и продажи стелек и шнурков, смуглые и золотозубые веселые продавцы роз, застенчивые подмосковные старушки с букетиками мимоз, которые отнюдь не цветут в их огородах, здесь же баба в дохе с пирожками и баба в китай-

ском нейлоновом дутом пальто с «хот-догами», под какой надписью пояснено — «горячие сосиски», торговцы застарелыми видео-боевиками и последней Александрой Марининой, газетные лотки, сто пунктов обмена американских долларов на рубли, а в самом конце, аккуратно напротив парламента, скромный винный подвальчик с гордым названием «Третий Рим».

Эти берега, левый молчаливый и суматошный правый, не отрываясь, день и ночь смотрят друг на друга. И коли представить себе, что по волшебству вскрылись трубы, вырвались оттуда подземные струи, потекла посреди чахлого сквера, из которого на зиму убирают скамейки, вольная Неглинка река, то в водах ее одновременно отразились бы эти две стороны нашего Цветного бульвара.

Облако, река, «мельница»

Гиляровский писал, что в окружающих Цветной бульвар трущобных переулках было в конце прошлого века скопление подпольных притонов: публичные дома самого дешевого пошиба и игральные дома, где шулера обдирали как липку разжившихся воров. Эти дома целы и сейчас, и, даже если ехать по более или менее приличному и чистоватому бульварному кольцу от Трубной к Петровским воротам, по правую руку вы можете увидеть край этого квартала, трех-четырёх этажные здания с зияющими пустыми окнами, ободранные и крошащиеся.

Все подворотни и лазы в первом этаже углового дома № 1 по бульвару тщательно заделаны коричне-

вым картоном от продуктовых коробок, листами ржавого железа, а одна арка даже перекрыта свежей кирпичной кладкой. Но четвертая от Цветного подворотня по отечественной безалаберности свободна для прохода во двор, а рядом с ней красуется вывеска: «Туристическая фирма «Красная мельница». Как все-таки любит русская жизнь скаламбурить. Дело в том, что «мельницами» на жаргоне прошлого века как раз и назывались подпольные игорные притоны.

Если здесь войти во двор и повернуть обратно к бульвару, то перед вам предстанет городской пейзаж после вражеской бомбардировки. Где кроется «туристическая фирма» — решительно непонятно, ибо здесь царство бродяг и бомжей, которых непривычный глаз никогда не увидит. У этих людей невероятная способность оставаться невидимыми и бесшумными, лишь иногда в солнечный денек кто-то из них рискнет и позволит себе выползти на свет Божий — погреться на бульварной скамейке, и тогда можно во всей красе рассмотреть такого персонажа, как будто он только что дезертировал из массовки, со съемок фильма по мотивам пьесы Максима Горького по оригинальному названию «На дне жизни». Кстати, он смотрит отнюдь не прибито, скорей — не без заносчивости, и гордо носит свои обноски, какую-нибудь рваную овчину и потертые нейлоновые финские зимние сапоги. Это важно — обитатели Цветного выбирают свою судьбу сами.

Вернемся во двор. Конечно, ночью я вам идти туда не посоветую, но днем здесь пусто, разве что истомившийся путник присядет у вонючей стены со скомканным клоком газеты в кулаке. Привлекает внимание стоящий

в укромном уголке сарайчик с дочерна закопченной притолокой и кривой дверью, будто он недавно неудачно горел. Если отважиться заглянуть внутрь, то вы поймете в чем дело: на перевернутых ящиках здесь в известном порядке расставлена нехитрая посуда. Тут же и кострище: на этом-то очаге и готовится немудреная, надо полагать, пища, а дымоходом как раз и служит повисшая на соплях дверца. Здесь живут коммуной, и это — коллективная кухня, о каких мечтал когда-то певший в клозете герой Олеси товарищ Бабичев. Спать же отправляются «по домам» — в буквальном смысле, на верхние этажи, и, если пройтись там, вскарабкавшись по рушащимся лестницам, то можно и там и здесь застать не без тяги к своеобразному комфорту устроенные лежбища.

Днем же хозяйева — на работе, это они служат санитарями Цветного, подбирая объедки и пустую стеклянную тару.

Прочий люд

Издавна — но уже в послевоенные времена — многие из населявших крошечные здешние коммуналки женщин занимались проституцией. Сейчас представители этой старой гвардии постарели и сошли с круга, а многие рабочие места заступили гастролерши. Днем их можно хорошо рассмотреть, они сидят по здешним кафешкам и чирикают за пластмассовыми чашечками с кофе. Они уже не похожи на недокормленных, с недоразвитыми ручками-ножками девиц из подмосковных рабочих поселков, какими были уличные торговки лю-

бовью двадцать лет назад. Теперь на них штаны под «дизель», короткие стрижки, серьга только в левом ухе, и если б не выражения лиц — их можно было принять за студенток-реперш из пищевого института (впрочем, сегодня одно другое отнюдь не исключает). Изредка подъезжают милиционеры и подсаживают всю стайку в «воронок», причем девочки вовсе не гневаются, лишь пожимают плечиками да хихикают: по-видимому, наказание будет не чрезмерно строгим, натурально акцизный сбор.

Бульвар веротерпим, интернационален, толерантен, и бульварная публика очень пестра. Здесь и опасные молодые люди в коже, с обтянутыми черными джинсами крепкими ляжками, с квадратными бритыми затылками и золотыми печатками. И тинейджеры группами и попарно, с неизменными рюкзаками, у девочек — рукава всегда длиннее рук, они их подворачивают, смешно сжимая края в кулачках. Если это двенадцати-тринадцатилетние влюбленные, то они льнут друг к другу, не стесняясь чужих глаз: девочки выглядят старше, но их партнеры — сущие дети. Но эти лишь мелькнут на тротуаре, спеша по своим юным делам. Постоянный же контингент бульвара — торговцы и милиционеры, находящиеся в отношениях, которые можно назвать симбиозом: как у домовников — один чистит квартиру, другой стоит «на стреме». Собственно, торговым местом Цветной был много лет, во времена знаменитого Центрального рынка, и торговый дух здесь не выветриваем. Торгуют, кажется, все: и бабы, приехавшие с Украины — они забиваются в щели, в узкие проходы, ведущие от бульвара, подальше от милицейских глаз, — и

кавказцы, и женщины с внешностью кандидатов наук на пенсии. Набор обычный: сигареты «Пегас», мандарины, книги по оккультизму, майонез отечественный, гвоздики азербайджанские, бульварные газеты пятидесяти наименований, сникерсы, чипсы, перечисление может быть долгим, короче — весь дешевый мусор, которым завалены все крупные демократические мировые столицы.

Подчас на тротуаре можно увидеть хорошенькую даму в дорогой шубе, спешащей к метро без оглядки. Респектабельные же мужчины здесь редки: разве что вылезет из хорошей машины чисто одетый господин, чтобы, торопясь, купить букет роз.

Пьяных немного, и держатся они не буйно, с опаской, потому что бдительные стражи порядка, кроме как караулят свой торговый процент, успевают проявлять бдительность к подгулявшим или подозрительно смуглым личностям. Зато на удивление часто попадают люди среднего возраста, говорящие сами с собой: мужчины чаще бубнят под нос, женщины апеллируют к городу и миру. И это в плотной толпе. Выглядит это символически: бульвар суетлив, жуликоват, пестр, люден, но налицо эффект отчуждения — люди проходят здесь как бы друг сквозь друга.

И, что важно, здесь, особенно по выходным, много детей, которые якобы перестали рождаться. Потому что здесь к услугам их родителей, чаще всего добропорядочных рабочих и служащих, бедновато одетых, оседланные красавцы-кони в яблоках, мохнатые пони, в гривы которых вплетены красные ленточки, и фанерный шарaban, выкрашенный под золото, с запряженной в

него лошадьё с громким колокольчиком на хомуте. И дети, вряд ли избалованные в своих вечных детских садах, могут проехаться под бубенцовый звон по скверу — от начала бульвара и до конца. Это цирк использует свои резервы для собственного выживания: лошади и пони, конечно, уже не «рабочие», доживающие в цирковой конюшне свой век на пенсии.

Последнее убежище

Цирк — центр Цветного бульвара: и географический, и смысловой. Здание было построено цирковым антрепренером Соломонским в 90-х годах прошлого века — год в год с Санкт-Петербургским итальянским цирком. Уже сам выбор места для первого в первопрестольной стационарного цирка характеризует бульвар: ясно, что имелось ввиду место людное, «площадное», с удобными подходами и подъездами, не в самом Центре, но и недалеко от него, чтобы гуляющая публика могла стекаться сюда и с Бульварного, и с Садового кольца. Короче, место демократическое.

Однако стоит вспомнить Оскара Уайльда, он обронил как-то, что цирк — «последнее убежище тонкого человека». Это мог сказать только тот, кто приустал от норм и ритуалов «высокой культуры», от орхидей в петлице фрака и шелковых галстуков бантом, и потянулся к архаическим, «первоначальным и грубым», забавам и формам. Но в данном случае ситуация с цирком на Цветном забавно перевернута: на фоне торжествующего на бульваре маскульта, развалов глянцевого журналов и желтых газет, льющейся Бог весть откуда «попсы»,

реклам американских боевиков — вплоть до гор разноцветного весеннего мусора, в котором при желании можно угадать тотальную идею одноразовости, столь любезную демократическому массовому производству, — на этом фоне цирк и впрямь покажется последней цитаделью традиции и культурной устойчивости.

Да и культуролог скажет, что уже сам круг арены символизирует вечность и божественную гармонию. А фрейдист увидит в действиях дрессировщика, засовывающего голову в пасть льва, то ли вытеснение страха кастрации (и мальчик на трибуне инстинктивно прикрывается ладошкой), то ли мужскую отвагу при овладении зубастым лоном. И уж совсем понятно, что делает артистка, вращая бедрами, чтоб не упал хула-хуп: один, потом еще один и еще, ей все мало; и что символизирует повисшая под куполом на тонкой нитке хрупкая гимнастка: «она по проволоке ходила»; и что показывают лихие джигиты-осетины, объезжающие норовистых жарко пахнущих лошадей, выделявая на скаку на их спинах самые немыслимые штуки; и на что хочет пожаловаться, бормоча, старый клоун с красным-красным большим носом...

Сидя на бортике арены, под страшный рык и вой сивачей, доносящийся из слоновника, в облаках конского пота — только что здесь репетировали те самые джигиты,— и запаха свежих опилок мы говорим с цирковым гимнастом Виктором Федоровичем Лобзовым, впервые выступавшего здесь, под куполом этого цирка пятьдесят лет назад: «Золотой мой, знаете, ведь сегодня в цирк почти не ходят. А еще совсем недавно билет невозможно было достать». У старого гимнаста фигура

юноши, узкие бедра и очень сильные руки; ему семьдесят три, до шестидесяти он работал на воздушной трапеции, его не интересуют культурология, он не знает слова «постмодернизм» — а ведь пространство бульвара, где так хорошо себя чувствуют «восставшие массы», вполне постмодернистское — и добиться от него рассказов о бульваре мне не удастся: «Ведь я как приду сюда утром, так до вечера и не выхожу» (он теперь репетирует с юными гимнастками).

Я захожу и так и эдак. На мой вопрос о том, как соседствовал Центральный рынок и цирк, он вспомнил, что Юрий Никулин в скучные 70-ые водил туда гостей показывать им «музей питания». «Знаешь, ласка, ведь нынче цирка-то больше нет»...

Я понимаю, о чем он говорит — о цирковом мире, в котором он прожил жизнь. Сегодня этот замкнутый некогда мирок разомкнулся, вышел на паперть, на улицу, как те мохнатые пони, поехал в бутафорском кабриолете по скверу, и бульвар принял его в себя и поглотил. Ведь и сам бульвар сегодня стал во многом цирком: то, что раньше можно было увидеть лишь на арене, сегодня можно и самому проделать на улице. И «питание» повсюду вокруг опустелого цирка — в музей ходить не надо, и полным-полно всевозможных дешевых развлечений: здесь тебе и жонглеры, и шпагоглотатели, и мастера манипуляции в какое заведение ни зайди. Возможно, в скором времени появится на нашем бульваре и цыган с медведем — если будет на то спрос... Время организации и ограничений ушло, пришло другое время — бульвара, толчеи, яркой ярмарки, и никто никуда больше не стоит в очереди за билетами. Мы са-

ми так страстно мечтали об этом некогда. И нынешняя наша грусть — лишь оттого, что удовольствие оказалось отнюдь не таким острым, как грезилось, и, в общем-то, мечтать больше не о чем.

ВОКРУГ ОДНОГО ПРУДА

Так получилось, что прошлой зимой вокруг пруда у Новодевичьего монастыря сошлись творческие страсти знаменитого кинорежиссера и известного столичного ресторатора

Михалков требует жертв

История фильма Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник» давняя и негладкая: сценарий долго отлеживался. Быть может, потому, что уже в названии использован каламбур, а это само по себе дурной признак: игра на звуковых речевых сближениях есть самый низкий тип остроумия. Доступный и любимый, впрочем, самой широкой публикой, а значит, сулящий успех. Если в данном случае предположить, конечно, что массы знают название оперы Россини или на худой конец имя испанского города Севилья.

Картина была задумана больше десяти лет назад, причем ее сюжет явственно перекликается с другим фильмом того же режиссера — по тоже вполне сувенирному названию «Очи черные». Перекликается не только тем, что использует заимствованные мотивы — в «Очах» авторы сценария эксплуатировали фабулу чеховской «Дамы с собачкой». И там и здесь речь об ин-

тернациональной любви: итальянца к русской в первом случае, русского к американке во втором. И там и здесь — стилизация: начало этого века, конец века прошлого. И там и здесь попытка явственно работать на экспорт, предлагая западному зрителю сусальные русские картинки и костюмированный быт. Там — цыгане, здесь — юнкера, там — кабацкая удаль, здесь — народная Масленица. И там и здесь иностранные звезды и жгучая русская страсть на морозе на фоне снежных равнин. Недаром продюсер обоих фильмов один и тот же — нефтяной магнат Мишель Сейду. Однако, и разница налицо — в размахе.

«Очи черные» были все-таки более скромным проектом. Столичная пресса, отмечая, что «Сибирский цирюльник» — самый дорогостоящий на сегодняшний день европейский кинопроект, в январе прошлого года называла цифру бюджета 24 миллиона долларов. В феврале фигурировали уже 25 миллионов. В июле цифра выросла до 27 миллионов («Московский комсомолец»), а через два дня до 28 миллионов («Комсомольская правда»). Но уже в сентябре в газете «Сегодня» появляется цифра 35 миллионов. Наконец, в январе этого года «Труд» сообщил: «Затраты на фильм уже сейчас превысили 37 миллионов долларов. Значительно удорожила ленту капризная зима». Сейчас в около кинематографических кругах поговаривают, что следует называть окончательную цифру равной 45 миллионам.

На фильм Михалкова работает не только арабская нефть, отечественный налогоплательщик тоже внес свою лепту: около четверти начального бюджета дало Госкино, причем в дело вмешался сам тогдашний пре-

мьер, — 5 миллиардов рублей старого номинала. Михалковым задействованы были: премьер-министр страны, министр обороны России, Патриарх всея Руси, мэр столицы, региональные губернаторы и многие-многие фигуры помельче. Съёмки шли в Нижнем Новгороде, в Саянах, в Праге, в Португалии, в Москве и постоянно обставлялись самым экстравагантным образом.

«Все, связанное с фильмом, уникально, масштабно, необычно», писала «Комсомольская правда». И это в какой-то степени верно: сам процесс производства фильма смахивал не на работу, а на некий гигантский хэппенинг. Скажем, во время съёмок одного из эпизодов на Красной площади были потушены кремлевские рубиновые звезды: чуть не во второй раз за всю их советскую историю, — в первый раз во время немецких бомбардировок в 41-ом году. Как раз в этот день дирекция Исторического музея принимала гостей по случаю завершения реконструкции и открытия обновленного очага культуры. Мало того, что вся площадь была засыпана специальной солью, имитирующей снег, — все пространство перед парадным входом загадили лошади, и гостям приходилось лавировать между кучами навоза...

Во время съёмок эпизода на Белорусском вокзале из репродукторов то и дело раздавались обращения к пассажирам с просьбами «извинить за беспокойство». «Беспокойство» состояло в том, что в течении дня работа вокзала была парализована. Но это все пустяки, искусство, мы знаем, без жертв не обходится, и обо всем этом средства массовой информации сообщали с сущим восхищением.

Не с меньшим ликованием пресса писала, что «проект приурочен к празднованию 850-летия Москвы». Однако, это уж был лишь ловкий маневр авторов с целью заручиться поддержкой мэрии. Во-первых, фильм заведомо принадлежит иностранному продюсеру, а значит, довольно странно приурочивать его производство к отечественному юбилею: чтобы фильм попал в наш прокат и дошел до отечественного зрителя, кто-то в России должен, по словам режиссера, выложить за ленту минимум 12 миллионов долларов. Но и этого мало: завершить только съемки, не говоря об озвучании и монтаже, к срокам празднований в Москве в момент, когда делалось это заявление, было решительно не под силу даже Михалкову. Однако он добился-таки от мэра, помимо погашенных кремлевских звезд, чтобы тот, как писали «Куранты», «выделил на помощь съемочной группе милицию, гаишников, пожарных и железнодорожников». Бесплатно надо полагать — помощь и платные услуги вещи разные.

Замечательно, что в процессе съемок этой эпической ленты, попутно решались и идеологические патриотические задачи. «Аргументы и факты» в начале прошлого года восторженно сообщали, что в Костромское военное училище химической защиты (забавная и многозначительная, как мы увидим дальше, деталь) прибыли 20 актеров, выбранных на роль юнкеров. Здесь они обучались «английскому, юнкерским песням, неуставным шалостям, фехтованию, военной истории, правильному подходу к дамской ручке и прочим изящностям и премудростям». Вся эта абракадабра стоила 50 000 долларов ежемесячно. Причем было заявлено,

что этот почин должен стать ни много ни мало «началом возрождения русского офицерства». Это напоминает сюжет бессмертной повести Фазиля Искандера «Созвездие козлотура». Для чего Михалкову нужен был этот трюк, станет ясно дальше; пока скажем лишь, что тогдашний министр обороны произнес: «дело нужное, необходимо поддержать». Надо понимать, у Министерства обороны России на тот момент не было забот важнее, чем съемки «Сибирского цирюльника».

Но упаси нас Бог осуждать Никиту Сергеевича. Режиссеры, особенно режиссеры кино, всегда более или менее обаятельные циники и артистичные плуты, немножко Хлестаковы, такова профессия. Ведь они не только «творят виртуальную реальность», как нынче модно выражаться, но, говоря по-людски, занимаются и очевидным подлогом. Они продают фикцию как реальность, трюк как чудо: мощный вентилятор треплет на ветру волосы героини, ассистент с помощью лейки заставляет героя ежиться под дождем. В упоминавшейся выше сцене на Красной площади, снегопад, в котором тонет Кремль, имитировала какая-то химическая гадость, рассыпаемая чуть не с вертолетов и разъедавшая даже брусчатку. И было бы только удивительно, если бы эти навыки чудотворства режиссеры ради своих кинопроектов не переносили бы в жизнь...

Ну, да это все общие места, скажете вы, причем здесь пруд? Сейчас, сейчас.

Поле на пруду

Вот как описывает место, где стоит Новодевичий монастырь, известный московский бытописатель М. И. Пыляев: «Девичье поле исстари славилось своими народными гуляниями. Цари Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Федор Алексеевич, отправляясь сюда на богомолье 28 июля (имеется ввиду день Иконы Смоленской Божьей Матери, престольный праздник монастырского Смоленского собора — **Н. К**), имели обыкновение отсюда встречать крестный ход и для этого приезжали сюда иногда еще накануне праздника, останавливаясь в шатрах, раскинутых на поле, бывали в монастыре у малой вечерни, у всенощной, а в самый праздник и у ранней и у поздней обедни и, наконец, кушали в шатрах. Можно вообразить, сколько тогда бывало шатров на поле и сколько народу, если уж сами цари имели обыкновение здесь проводить праздник». Добавим, что этот женский монастырь, построенный в первой трети XVI века, считался аристократическим, здесь нередко принимали постриг представительницы самых громких родов России, включая великих княжон. Особенно прославил монастырь тот факт, что именно здесь была заточена своим венценосным братом царевна Софья Алексеевна.

Однако на Девичьем поле праздновали отнюдь не только престольные праздники. Здесь бывали самые развеселые и разухабистые в столице масленичные гулянья. Вот как описывает русскую масленицу Н. И. Костомаров в своей книге «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа»: «На масленице бесчин-

ства было еще более (чем на Рождество — Н. К.); тогда ночью по Москве опасно было пройти через улицу; пьяницы приходили в неистовство, и каждое утро подбираемы были трупы опившихся и убитых».

Девичье поле находилось перед самым входом в монастырь, но нынче здесь небольшой сквер с каким-то советским памятником, рядом — площадь с круговым движением вокруг клумбы, от нее идет к Садовому кольцу Большая Пироговка: по одну сторону здание Педагогического университета, и большой «сталинский» жилой дом, с другой — большой «брежневский».

Есть возле монастыря и еще одно примечательное место. На пойменном левом берегу Москва-реки издавна были разбиты монастырские огороды. А также сделаны были три искусственных пруда, в половодье собиравшие вешние воды. Понятное дело, когда монастырь ликвидировали, то пришли в запустение и огороды. Но два пруда из трех — выжили, большой и маленький.

Сегодня это очень славное местечко. Пруды от Лужнецкой набережной отделяет уютный нерегулярный парк со скамеечками, и кроны деревьев клонятся к воде. От стены монастыря пруды отделены узкой полосой земли — в ширину одного автомобиля. Сами же пруды разделены белым изящным мостиком, а по глади плавают утки-лебеди. В наши времена, когда «опиум для народа» был реабилитирован и даже внедряем сверху, а сам Новодевичий реставрирован, поделен между патриархией и Историческим музеем и даже населен десятком инокинь, монастырские стены по вечерам стали подсвечивать с чисто оперной декоративно-

стью, и главы собора и колокольня теперь отражаются по вечерам в темной глади, что создает атмосферу торжественности и тайны для гуляющей влюбленной молодежи. Короче, место это стало романтическим и укромным, сюда почти не долетает городской шум, древние стены подталкивают думать о высоком небесном, воды пруда — о высоком земном.

Тут-то давняя история Девичьего поля сыграла с соседним прудом злую шутку. Никите Михалкову для съемок «Сибирского цирюльника» понадобилась большая сцена русской Масленицы. В скобках, и забегаю вперед, скажем, что этот эпизод сам по себе стал грандиозным проектом, съевшим чуть не половину первоначального бюджета картины. Как мы уже усвоили на примерах сцен в Кремле и на Белорусском вокзале, бюджет и связи позволяли режиссеру не выстраивать фанерные декорации, но использовать натуральные объекты. А уж коли гулял некогда московский люд на масленицу у стен Новодевичьего — то и снимать надо именно Новодевичий монастырь, и никакой другой.

Была лишь одна незадача — Девичье поле оказалось занято, ибо снести, скажем, старое здание Педагогического института даже Никите Сергеевичу пока не по силам. С другой стороны к монастырю примыкает новое кладбище — тоже не место для съемок Масленицы. Тогда-то, по-видимому, и возникла идея использовать замершую поверхность пруда в качестве замены полю. Правда, при этом вид на монастырь оказался иным, чем с исторического Девичьего поля, но зтут уж было ничего не поделать, пришлось сменить ракурс.

И здесь — забавный поворот нашего сюжета: когда нужно было готовить съемки эпизода, оказалось, что этот самый пруд... продан. Да-да, продан частному лицу. Мы можем лишь представить себе реакцию Михалкова, когда ему сообщили эту новость. — Что за чушь, — поморщился, должно быть, режиссер. И послал гонцов разузнать, в чем там дело.

Чудесный грузин

В 88-ом году, едва Горбачев реабилитировал нэповскую кооперацию, одним из первых «кооперативных» ресторанов, открывшихся в Москве, стал грузинский ресторан «Пиросмани», с хинкали, с шашлыком, с «Кахетинским», а главное — фасадом прямо на этот самый Новодевичий пруд. Хозяином его был и остается ресторатор по имени Торнике Копалеишвили, грузин, как вы понимаете. Причем грузин совершенно необыкновенный.

Дело в том, что он не просто ресторатор, но тоже своего рода артист в своем деле. С самого начала он украсил стены своего заведения отменной живописью, на небольшом подиуме разместил некоторые разнородные старинные предметы — инкрустированный рог, старый граммофон, гитару, пианино, антикварный стол и гнутые кресла, много еще каких-то вещей и вещичек, которым позавидовала бы и галерея «Роза Азора». Стены заведения тоже сплошь увешаны живописью: здесь и Макс и Анна Бирштейн, и Наталья Нестерова, и Нижегородце, и нынешние потомки Пиросмани — тбилисские примитивисты. Постепенно этот ресторан стал одним из

самых модных в Москве, сюда повалили иностранцы, отсюда не выходили сотрудники американского посольства, и дело дошло до того, что именно здесь предпочел пообедать в непротокольной обстановке президент США Билл Клинтон во время своего посещения Москвы. Егор Гайдар давал здесь пресс-конференцию для иностранных журналистов, наследный принц датский отведал шашлыка, популярные гляцевые журналы проводят у батоно Торнике свои презентации...

Чтобы проиллюстрировать, насколько не похож этот ресторатор на своих коллег, расскажем такую историю. Однажды батоно Торнике прогуливал свою жену-француженку Доминик по Воробьевым горам. Даме приспичило, и тут оказалось, что в этом весьма людном месте натурально нет ни одного туалета. Матрешек сколько угодно, а сортира нет. Приглядевшись, ресторатор обнаружил, что здесь нельзя не то что выпить стаканчик божоле, но даже бокал простого советского шампанского — пусть хотя бы и теплого. И совсем нечем закусить. Продолжая изыскания, ресторатор обнаружил, что здесь же, обок смотровой площадки, томится в полнейшем запустении трамплин для прыжков на лыжах. А под ним — двухэтажное здание, в котором когда-то располагалась, так сказать, администрация трамплина и раздевалка для спортсменов.

О том, каким способом ресторатор завоевывал это помещение, сколько это заняло времени и с какими перипетиями было связано строительство, можно писать отдельную детективную повесть: в ней будут взрывы, поджоги, попытка буквально закопать почти законченный ресторан, свалив на него сверху многие тонны гли-

ны из нескольких десятков самосвалов. Короче, эта эпопея отнюдь не менее разнообразна, чем съемки того же «Сибирского цирюльника».

Что получится из ленты Михалкова еще неизвестно, а вот ресторан «Рыцарский клуб» стоит-таки на Воробьевых горах, и с его веранды, которую пристроил к зданию ресторатор, открывается дивный вид на Москву. На веранде — цветут вьющиеся растения, на стенах — греческие фрески, а на маленький балкончик выходит к гостям певица и сладкоголосо исполняет грузинские песни под звуки арф. Есть здесь и зимний зал — с огромным камином, с темным балками под потолком, — отделанный мореным дубом и стилизованный под залу в замке. И есть зал европейский — с крахмальными скатертями и хрустальными люстрами.

Вид на Москву упомянут нами не случайно: батона Торнике полагает, что ресторан без вида — вообще не ресторан, будь то вид на излучину Москва-реки и панораму города или на пруд и Новодевичий монастырь. Оценив эту «идеологию» ресторатора, мы поймем, что пруд перед «Пиросмани» не мог не привлечь его самого пристального внимания. И если уж ему по силам было назло всему московскому чиновничеству и прочим силам открыть-таки ресторан на Воробьевых горах, чего никогда в московской истории не бывало, то отчего бы не попробовать использовать и пруд. Начал он издавека: еще в 91-ом году Барбара Буш привезла московским детям в подарок от американских детей забавную скульптурную группу — бронзовая гусыня ведет за собой выводок бронзовых гусят. Тогдашний посол США в Москве г-н Мэтлок, завсегда с «Пиросмани», посоветовал

товался с батано Торнике — где бронзовую группу установить. Решили — на берегу пруда, где она и стоит до сих пор, и спина гусыни отполирована многими-многими детскими попками.

Дальнейший план был таков: посередине пруда на искусственном островке стояла будка, в которой в летнее время года проживали два лебедя. Вот этот самый островок и задумал использовать ресторатор: поставить там беседку для чайной церемонии, к которой отобедавших гостей привозила бы венецианская гондола — на десерт. Заметим, эта эклектика вполне постмодернистская: чай — японский, гондола — венецианская, гондольер, надо думать, оказался бы выписан из Кутаиси, а коньяк здесь подавали бы, скорее всего, все-таки французский. И эта мешанина тоже созвучна стилистике фильмов Михалкова, — тоже сплошная «сибирская цирюльня» в своем роде. Да и сам размах задуманного предприятия тоже вполне артистический, не без привкуса авантюры.

Отметим, что парк у пруда закреплен за одним ведомством, сам пруд принадлежит организации с названием типа Мосводоканал, кусок набережной под стеной монастыря закреплен за патриархией, другой кусок — за Историческим музеем, и при этом неясно, кому принадлежит мостик. Причем не один из владельцев, как выяснилось, за свое имущество слишком и не держится.

Скажем, в случае Водоканала или как там эту организацию зовут, понять владельцев пруда можно — толка от него никакого, а головной боли много. Вот, например, замечательна история с лебедями: уж коли

приобретать пруд, то их же нужно же было куда-то девать. Простой задачей это виделось лишь на первый взгляд. Батоно Торнике столкнулся с тем, что лебединое дело на пруду поставлено на широкую ногу. Круглогодично комфорт двум лебедям обеспечивала бригада из 12 человек, и в этом можно увидеть при желании некую символику. Все они получали зарплату за то, что задавали лебедям корм, а зимой прогревали воду в пруду мощными калориферами, дабы лебеди плавали в теплой водичке. Как мы знаем из русского опыта, даже когда очень хочется, чтобы было как лучше — лебедям ли, людям ли, — выходит как всегда, то есть дурно. В данном случае, калориферы натурально выходили из строя. Тогда бригада из 12 человек разжигала на острове костры, чтобы как-то обогреть свое лебединое озеро. При самом приблизительном подсчете оказывалось, что содержание лебедей обходится Водоканалу в сумму около 50 миллионов старых рублей ежегодно: конечно, не михалковский бюджет, но тоже кое-что. Батоно Торнике решил дело просто: лебедей он самолично свез на зимовку в московский зоопарк и заплатил за их временный постой 300 000, а бригаду распустил по домам. То есть фактически упразднил двенадцать рабочих мест, ибо немолодые тетки из бригады на роль гондольеров и гейш явно не годились. Это, конечно, не завоевало ему симпатий простых прудовых работников. Ну да это к слову...

И вот, когда договор с Водоканалом был достигнут и пруд передали в полное ведение ресторатора, одним сумеречным февральским деньком, выглянув в окно своего заведения полюбоваться лишний раз на свое

приобретение, ресторатор увидел, что на льду пруда какие-то незнакомые люди нечто возводят безо всякого его ведома и на то санкции. Он, конечно же, поспешил на место и выяснил, что это рабочие из группы обеспечения съемок «Сибирского цирюльника» приступили к строительству декораций масленичной ярмарки. Что он им сказал — тайна, хотя мэру Лужкову доложили, кажется, что грузин вышел на лед с «калашниковым» наперевес. Так или иначе, но дня два рабочие на пруду не появлялись.

Однако тягаться с Михалковым у ресторатора не было никаких возможностей. Договор с Водоканалом по приказу мэрии был расторгнут, и грузину оставалось лишь с тоскою наблюдать из окна своего ресторана, как разворачиваются кинематографические деятели на поверхности уже ставшего ему таким родным пруда.

Подарок детям

В январе прошлого года «Московский комсомолец» бодро сообщал о съемках «Сибирского цирюльника»: «Самые массовые сцены фильма должны развернуться у стен Новодевичьего монастыря. Здесь будет сниматься сцена Масленицы. Причем после окончания съемок декорации, по всей видимости, разбирать не будут и ярмарочным городком «столетней» давности смогут пользоваться москвичи». Еще в какой-то газете говорилось, что декорации превратятся в «детский городок» с тем, чтобы дети, играя, могли, так сказать, вдыхать аромат старины и родной истории. Можно

лишь представить, как батано Торнике, читая подобные сообщения, хватался за сердце.

Все это была, конечно, откровенная чушь: декорации стояли все-таки на льду. Но, тем не менее, в этой информации содержался один угрожающий для пруда момент. Дело в том, что демонтаж таких огромных декораций сам по себе довольно дорог. И если представить себе, что все эти деревянные постройки остались бы после съемок на льду пруда, то к лету от самого пруда ничего бы не осталось: разбухшее дерево просто переполнило бы его чашу. Забегая вперед, скажем, что декорации таки были разобраны — солдатами из стройбата, помните слова министра обороны, тут-то лишний раз его помощь и пригодилась. Разобраны и вывезены, хотя, как мы понимаем, солдаты на такой работе не проявляли особого экологического рвения, и если какое-нибудь бревно падало в полынью, то доставать его ни у кого никакой охоты не было. Так что на дно ушло порядочно мусора, но даже не это нанесло пруду самый большой ущерб.

В какой-то из дней февраля, когда к съемкам все было готово, внезапно потеплело, и лед стал проседать, не выдерживая веса построек, лошадей, полутора тысячной массовки. Спасли дело чудом: пресса писала, что под лед пришлось загрузить около 200 тонн искусственного льда. То есть закачать в пруд огромное количества химических соединений, которые, конечно же, убили в нем все живое. Можно рассуждать о том, до какой степени в своем рвении к созиданию позволено режиссеру простирает свои амбиции, но это — отдельная тема. Нам лишь ясно, что вокруг проекта Михалкова

с самого начала было много лишнего шума. Поэтому вполне символично, что, когда в процессе съемок сцены Масленицы стали рваться петарды, ничего не подозревавшие верующие, пришедшие на великопостную службу в монастырский собор, вздрагивали и тревожно крестились, полагая, что монастырь штурмуют татаро-монголы: даже администрацию музея, по словам директора Ирины Борисенковой, никто ни о чем не предупредил...

Все проходит, не печальтесь. Завершены съемки, исчезли декорации, Михалков монтирует свою ленту во Флоренции. По пруду опять плавают лебеди с вопросительно выгнутыми шеями, а вся бригада из двенадцати человек опять на своем рабочем месте.

Распускается листва в парке, цветет грушевое дерево у входа в «Пиросмани», там варятся хинкали, льется кахетинское, чудесный грузин батано Торнике смотрит на гладь пруда и продолжает строить планы.

И кто знает — может быть, все было не зря. И красивый режиссер Никита Сергеевич Михалков в смокинге за своего «Цирюльника» в торжественной обстановке будет получать-таки в Каннах Золотую пальмовую ветвь. А грузинский ресторатор Торнике Копалеишвили построит-таки беседку на острове. И рядом с лебедями поплывут под стенами древнего монастыря венецианские гондолы с влюбленными парами. И все наладится к общему удовольствию.

А, может быть, ничего этого и не будет. Потому что жизнь наша непредсказуема и прихотливей самых смелых о ней наших предположений.

ГРОМКАЯ ОБИТЕЛЬ

В субботний день переноса святых мощей из Москвы в Звенигород столица предавалась мирским развлечениям: в Кремле был спортивный праздник, у собора Василия Блаженного рок-концерт. Однако немало верующих и немало зевак присутствовало при выносе драгоценной раки из Святых врат Свято-Данилова монастыря; прежде чем ее погрузили в автобус, страждущие имели возможность приложиться к мощам, после чего кавалькада, возглавляемая лимузинами Патриарха и губернатора Московской области, двинулась на Кутузовский, а там через Одинцово по старой Смоленской дороге до Голицына. В трех попутных церквях отслужили краткие молебны, и процессия направилась к звенигородской обители. Этим жестом Патриархия поддержала возрождение древнего Саввино-Сторожевского монастыря, которому в новом исчислении вовсе не шесть сотен лет, а без году неделя.

Погибель

В январе 1918 года большевики, управившись с неотложными революционными делами, обратили взор к Церкви: декрет об отделении ее от государства был тезкой ельцинского и именовался «о свободе совести». Большевиков, впрочем, совесть мало заботила: им не

давали спастись несметные церковные богатства. Декрет объявлял национализацию церковного имущества: Церковь лишалась прав юридического лица, за верующими оставались лишь богослужебные помещения да кое-что из утвари и посуды.

Наиболее радикально подошли новые власти к грабежу монастырей. За предшествовавшие большевикам 1000 лет русской истории в России возникло около полутора тысяч обителей, скитов и монастырских подворий. Прикрыть все это хозяйство одним махом даже большевикам было непосильно, для начала в обители были назначены «монастырские комиссары» с полномочиями выписывать квитанции на отпуск монахам дров и давать разрешения пользоваться ризницами. Но к 22-му делу было сделано, имущество монастырей целиком отошло «государству рабочих и крестьян». В бывших обителях размещали коммуны, колонии беспризорников, концентрационные лагеря, в соборе Троице-Сергиевой Лавры устроили тир для красноармейцев. Из монахов образовывали «трудовые формирования», немощных отправляли в дома призрения. В ряде случаев допускалось создание из братии «сельскохозяйственных артелей» с разрешением обрабатывать часть прежних монастырских земель. К началу коллективизации в 29-м году оказалось, что в сталинской России уже действует ряд «монастырских колхозов»; колхозы эти продолжали жить по монашескому уставу, пусть коллективистскому и социалистическому, с общим производством и потреблением, но все равно христианскому, — коммуны были признаны клерикальной «пятой колонной» и прикрыты.

Особая глава церковной советской истории посвящена «вскрытию мощей». Пик пришелся на 19-й год, когда были организованы соответствующие комиссии. Раки вскрывались, мощи святых отправлялись в краеведческие музеи, где в инвентарных описях именовались «трупы мумифицированные». Среди донесений в Совнарком сохранился рассказ об особенно кощунственных действиях как раз в отношении мощей Саввы Звенигородского: докладывалось, что один из членов комиссии, едва была вскрыта рака, «несколько раз плюнул на череп святого».

Преподобный Савва, «первоначальник» Саввино-Сторожевского монастыря, был учеником Сергия Радонежского, после смерти учителя — игуменом будущей Лавры; по просьбе звенигородского князя Юрия Дмитриевича, чьим духовником он был, в 1398 году Савва основал близ Звенигорода обитель. На этом месте, на горе Сторожа, стояла некогда колокольня со сторожевым сигнальным колоколом, отчего Звенигород и получил свое название,— так что обитель поставлена была, так сказать, на «громком» месте. После смерти преподобного в 1407 году могила его прослыла чудотворной, ей поклонялись и московские князья. В монастырь делали вклады Иван Грозный и Михаил Романов. Царь Алексей Михайлович, получивший по преданию знамение во время охоты, сделал Саввин монастырь своей загородной резиденцией, построив на его территории дворец и царицыны палаты, все это сохранилось; при нем мощи преподобного были перенесены в монастырский Рождественский собор. Последующие русские монархи — Петр Первый, Елисавета Петровна, Екатерина

Великая, Николай Первый, Александр Второй, не говоря о великих князьях,— многократно посещали обитель и щедро ее одаривали. В 1887 году имя Саввы Звенигородского было внесено Синодом в святцы, уже тогда мощи его почитались чудотворными по всей России. Вплоть до 19-го года.

Судьба мощей Саввы — отдельный сюжет. Сначала они оставались на попечении ЧК, но затем череп и кости преподобного были вручены сотруднику Исторического музея на блюде с напутствием: блюдо заberi в музей, а с костями делай что хочешь,— суеверные чекисты не решились саморучно с мощами расправиться. Семьдесят лет мощи хранились в семье историка, причем не без детективных перипетий, пока в 83-м не оказались в Свято-Даниловом.

Возрождение

Воссоздание древних русских монастырей в последние годы шло ударными темпами: в СССР их оставалось меньше десяти, на сегодня по России около трехсот. При этом некоторые, бывшие когда-то мужскими, возродились как женские: на мужскую часть российского населения, занятую больше делами земного характера, пьянством или стрельбой, реже, должно быть, нисходит благодать. Светские власти, даже вполне коммунистически ориентированные, относятся к возрождающимся обителям, как правило, благосклонно,— скажем, на Кубани «красный батяня Кондрат» покровительствует Свято-Духовному Тимашевскому мужскому монастырю. Это следует объяснить не столько

православным рвением вчерашних секретарей обкомов, сколько неимением у них иных, кроме церковных, общенациональных идей и святынь: ведь даже единственные почитаемые большевиками священными мощи не оказались чудотворными. Но не только из идеологического расчета вчерашние коммунисты, как и большинство атеистически воспитанных нынешних русских, льнут к церкви: мы чутки не к христианству даже, но к православному антуражу как таковому. Нам, как встарь, и поныне прежде прочего близок и внятен исконный оттенок язычества в поклонении чудесным источникам и святым мощам, чудотворным «точащим слезы» иконам, златым куполам, от которых «исходит свет»; нам уютно задаривать покойников крашеными яйцами, и даже колокольный звон не просто оповещает у нас о начале молитвы, как у греков, которые завели этот обычай, но доставляет «приятность Богу», то есть магически задабривает его. Все это дается без особого духовного напряжения: трудно подозревать, что, зовя священника окропить «святой водой» новую иномарку или торговую точку, хозяин делает это из порыва к самосовершенствованию, а не из суеверия. Разумеется, клир превосходно видит все это. Но Церковь, — в чем недруги ее, каковых тоже хватает, усматривают корысть, а адепты оправдывают исконным предназначением спасти заблудшие души, — всячески поощряет даже самые неуклюжие попытки вчерашних безбожников припасть к ней. Известны, как богомольны сегодня не только недавние большевики, но бандиты и воры. Скажем, в Переделкине храм при загородной резиденции Патриарха давно стал приходским для «солнцевских», а в Сергиевом По-

саде, рассказывают, братва прекратила разборки друг с другом, решая «вопросы» не стрельбой, но в кельях местных старцев, как некогда братья Карамазовы. Все это характеризует духовное состояние общества, корчащегося в поисках утерянных жизненных основ. И странно было бы предположить, что из недр такого смятенного общества могут вдруг исторгнуться в массовом порядке и заселить триста обителей отличающиеся нездешней духовностью послушники.

Братья и сестры

Статистически монахов и монахинь в нынешних русских монастырях немного: скажем, в той же Саввино-Сторожевской обители 40 послушников, в Новоиерусалимской — 5, а в московском Новодевичьем — 20 монахинь, тогда как некогда в этих монастырях обитало по несколько сотен насельников. На самом деле желающих принять постриг хоть отбавляй. Но приток новых послушников ограничен строгими требованиями к новоприбывшим. Здесь своего рода «вилка»: с одной стороны, именно по числу новых послушников судят о преуспевании того или иного игумена. С другой — настоятель не может себе позволить «брать количеством» и привлекать людей заведомо негодных к монашеству, что поставило бы под угрозу само существование обители, не являющейся все-таки колонией для трудновоспитуемых, хотя в какой-то мере эти функции подчас и выполняющей. Кроме того, чтобы стать «братом», послушник должен получить благословение старца, и это еще один фильтр. Это только так говорится — «уйду в

монастырь», как будто все так просто. Вот, к примеру, что требуется женщине для того, чтобы стать монашкой. Если при советском строе перед тем, как оказаться членом КПСС, нужно было переступить лишь одну ступень — «кандидат в члены», то в сегодняшней монастырской практике таких ступеней как минимум четыре. Сначала нужно какой-то срок побыть паломницей, то есть проходящей «внештатной сотрудницей», так называемой трудницей. За это время происходит первая притирка, и уже на этой стадии кандидатка в сестры может быть забраксована, причем, как правило, никто никого из монастыря не гонит, просто бремя монастырских правил оказывается непосильно, и соискательница отправляется обратно в мир. К слову, такие движения туда и обратно, в монастырь — в мир — в монастырь, некоторые совершают по нескольку раз: однажды отведав «покоя обители», люди, как правило, в миру трудно находят себе место. Но ежели паломница проявит должную набожность, возлюбит ближнего своего как саму себя, а главное — выкажет смирение, отказавшись от собственной воли, что есть краеугольный камень послушничества, то она отправляется за благословением старца или старицы. И вполне вероятно, что прозорливый старец «прочтет в ее душе», что монастырская доля не для нее, а написано ей на роду быть доброй женой и матерью. Точка, этот приговор обжалованию не подлежит. Если же все-таки благословение получено, то послушница делается сестрой. Это низшая ступень в монастырской иерархии, сестры — своего рода солдатки армии Христовой. Причем многие до старости так и остаются в сестрах — не всем же быть генералами. Следующая

ступень посвящения — послушница, что-то вроде старшины. Затем — инокиня, чин приблизительно младше-офицерский. И уж только потом — монахиня. Это что касается званий. Но есть, разумеется, и должности, высшая из них — настоятельница монастыря; помимо этого существует конечно же множество более или менее почетных мест: от «ключницы», заведующей складом по-мирски, экономки, казначейши — до пресс-секретаря обители или даже епископата, — среди нынешних монашек, кстати, немало бывших журналисток. В мужских же монастырях возможностей для карьерного роста неизмеримо больше, ибо монах может быть рано или поздно рукоположен в священники. Как и в миру, успешное продвижение по ступеням званий и должностей в любом более или менее населенном монастыре обеспечивается многими факторами, и одного лишь религиозного рвения для того, чтобы сделать удачную карьеру, разумеется, недостаточно. Ну как, скажем, в труппе большого драматического театра премьершами становятся не из одного лишь сценического дара. Однако есть и монастыри совсем маленькие, только-только возрождающиеся, и на этой стадии, конечно, бывают примеры несуетного рвения и подлинного энтузиазма, — если продолжать театральное сравнение, то атмосферу здесь можно назвать «студийной». Пожалуй, это можно отнести и к внутреннему укладу и атмосфере нынешней Саввино-Сторожевской обители, о которой, собственно, и речь. Быт послушников здесь отчетливо напоминает студенческий стройотряд: спят в комнатах на два десятка человек, все молоды и веселы и работают с немалым энтузиазмом; только вот хоровое

пение Окуджавы под гитару заменяют иные песни и другая музыка. Помимо всего прочего — уровня образования, личных связей, наличия высокого ходатая, происхождения (в монастырях в почете послушники «из духовного звания», отпрыски священников и иерархов, как считается, более, нежели другие, готовые к схиме) — для продвижения по служебной лестнице в иных монастырях играет роль, по-видимому, и весомость первоначального материального вклада в общий монастырский котел, — впрочем, об этой стороне дела что-нибудь достоверное постороннему знать не надо. Однако известно, что нынешние монастыри, как и во все времена, с удовольствием берут от тех доброхотов, кто «готовит себе место в вечности», вклады и пожертвования, пусть это будут и не стародавние князья, а современные спонсоры, — к слову, с этих пожертвований светские власти повсеместно норовят урвать налоги. Так что и ныне, пять веков спустя, со времени, кстати, тоже бурного роста монастырей, спор Иосифа Волоцкого, автора теории повышенного качества молитв именно черного духовенства, с «нестяжателем» Нилом Сорским решается в пользу первого. В Саввином монастыре, впрочем, вклады принимают больше натурой, что, кстати, с налоговой точки зрения удобнее: принесенными в дар колоколами, типографскими услугами, строительными материалами, одолженной техникой и даже цветочной рассадой. И в этом тоже есть оттенок этакого задора при выполнении молодого азартного дела «всем миром», подкрепленного неустанной монашеской молитвой.

В монастырях, подобных Саввину, еще не вставших крепко на ноги, рабочий день братии длится подчас по восемнадцать—двадцать часов: богослужение уже перед рассветом, чтение псалтыря и, конечно же, богоугодные работы. В наиболее строгих монастырях — таковыми, как правило, являются именно женские — личное время сознательно сведено к минимуму: от вечерней трапезы до отбоя час-полтора, и его, впрочем, тоже рекомендуется проводить за чтением духовных книг.

Пастырь

Чтобы сплотить молодую братию и внушить ей не только смирение, но и духовное веселье при всех тяготах повседневных монастырских забот нужен, естественно, незаурядных качеств вожак-игумен. Если учесть, что многие юные соискатели пострига во всех мужских монастырях еще вчера шлялись по улицам и дискотекам, пили портвейн «из горла», курили анашу и тискали девок по углам (и это в лучшем случае, кое-кто приходит в обитель прямо из зоны), то понятно, что удачливому пастырю эдакой паствы требуются помимо прочего макаренковские таланты. Обитель обители рознь, ее облик и внутренняя жизнь почти всецело зависят от отца-настоятеля. Саввино-Сторожевский монастырь — ставропигиальный, подчинен непосредственно Патриархии. В этом есть свои плюсы и минусы: свобода от епархиальной власти и бремя этой свободы. Монастырь, как и многие другие по России, пережил при советской власти метаморфозы: тут располагались в разное время лагерь для уголовников, колония для детей «изменни-

ков родины», санаторий министерства обороны, краеведческий музей. Статус обители монастырю вернули лет пять назад — статус, но не недвижимость. За четыре года прежнему пожилому настоятелю сдвинуть дело с мертвой точки не удалось: он лишь наладил службу в боковом приделе монастырского храма и принял одного-единственного послушника. Дело, однако, шло к юбилею, и осенью прошлого года Патриарх назначил в монастырь нового наместника-игумена. Им оказался отец Феоктист, 35 лет от роду, человек расторопный и, судя по всему, многосторонне талантливый. Его биография говорит сама за себя. По окончании семинарии в Лавре он принял постриг и оказался в окружении тогдашнего Патриарха. Тогда же подал рапорт, что хотел бы отправиться на Афон. В те годы выиграть подобный приз было невероятно сложно: на Афон ездили делегациями по десять монахов один раз лет в пять лет: «загранка» все-таки. Но отец Феоктист конкурс прошел, три года провел на Афоне, и приобретенные там связи оказались потом весьма полезными. По возвращении он получил пост игумена Афонского подворья в Москве, попутно наладив работу такого же подворья в Стамбуле.

В Москве на Гончарной улице, впрочем, от подворья почти ничего не осталось: в монастырских помещениях ютилось с десятков контор. Выселить их, казалось, было невозможно — отец Феоктист выселил. Появились послушники. Тут-то пригодились афонские связи, и отец Феоктист привез в Москву на три месяца мощи святого Пантелеймона, никогда до того Афон не покидавшие. Через Афонское подворье за этот срок прошло до миллиона посетителей, оно вошло в Москве в моду. На-

стоятелю впору было почивать на лаврах, но отец Феоктист получил новое назначение — в Звенигород.

Весь клубок хозяйственных проблем невозможно описать: пустующий чуть не со времен французского нашествия царский дворец — в ведении Министерства культуры, земля окрест — собственность Министерства обороны, старинные иконы иконостаса Рождественского собора — в музейных запасниках, храм с остатками росписи кисти Рублева и учеников — в разоре и не отапливается, послушников нет, равно как и денег. Отец Феоктист меньше чем за год буквально преобразил святое место, за что и был произведен Патриархом прямо во время торжеств в архимандриты. Чтобы совершить такой подвиг, мало самой горячей молитвы, хоть все и делается, как мы знаем, по соизволению Божьему.

Но ничего с неба не упадет, если сам оплошаешь. Отец Феоктист дружит с администрациями Одинцовского и Ногинского районов, с военными, с Фондом культуры, со строительными АО, с депутатами, с министром культуры, с губернатором, только что не с Папой Римским, не говоря уж о благоговении, которое испытывают перед ним директора окружающих санаториев и домов отдыха.

Под стать характеру настоятеля и атмосфера полной открытости, царящая в обители. По территории монастыря круглыми днями шатаются праздные миряне — посетители музея, с которым насельники продолжают делить монастырские здания, здесь же — большое количество людей, никак не являющихся братьями, но втянутых в орбиту монастырской жизни. Прежде всего это трудники: от простых рабочих до образованных со-

трудников — экономистов, историков, журналистов. После того как в Братском корпусе — тесном мужском общежитии послушников — заканчивается трапеза братьев, стол накрывают заново. Поражает, что за ним оказывается два десятка женщин, причем некоторые молоды и весьма пригожи, и даже одна монашка в подряснике. Это тоже трудницы — штукатур, швея, добровольные помощницы в храме и их дочери, школьницы и студентки, на каникулах приобщающиеся монастырского воздуха; монашка же оказалась откомандированной своей женской обителью как специалист по реставрационным работам. Женщин вообще привлекают мужские обители — рясы это та же форма, — но дело не в эротическом подтексте: воспитанные в патриархальной стране, в миру они не находят мужчин, моральный авторитет которых был бы для них безупречен. А здесь находят.

Монастырь пользуется популярностью: за полгода через него прошло уже около двух сотен соискателей, но отбор послушников, как сказано, строг. А если учесть, что Саввина обитель — единственный монастырь в самом престижном подмосковном Одинцовском районе, причем стариннейший, да еще при таком настоятеле, — можно, не боясь ошибиться, предсказать, что очень скоро эта обитель войдет в большую светскую моду.

Торжество

Но закончим о праздновании монастырского юбилея. В центре Звенигорода года четыре назад верующим возвратили храм, отобрав его у какого-то склада,

посвященный Александру Невскому. И вот вам картинка: пока мощи преподобного Саввы тихо плыли по направлению к городу, у храма, поперек центральной улицы, выстроилась довольно пестрая компания. Местный клир в парадном облачении, с хоругвями и храмовой иконой был прослоен мирянами в кургузых костюмах и при галстуках, некоторые из них были в шляпах, и несколькими упитанными дамами с шиньонами яркой шерсти, но без косынок — местными чиновниками. Этим избранным было десятка два, за их спинами томилась группка разряженных фольклорных пейзажистов, которым полагалось встречать высокое центральное начальство — одних архиереев десять человек, Патриарх, областные чиновники — хлебом-солью. Простой же народ теснился по тротуарам. Во всей этой умильной картине удивляло невероятное число и там и сям наставленных служивых: от милиционеров и ОМОНа до представителей всех родов войск, десантников, инфантерии, только что не танкистов. Смахивало на военное положение. Смахивало тем более, что на всем расстоянии от города до монастыря — километра четыре-пять — через каждые десять метров по обе стороны дороги были наставлены солдаты, а через каждые двадцать пять — милицейские патрули. Солдаты скучали, стреляли у прохожих сигареты: проехать было нельзя, но пройти по придорожной тропке все-таки можно было беспрепятственно.

Под монастырским холмом бросался в глаза разбитый военными бивуак: десятки вместительных походных палаток. Здесь же в ярко-оранжевых сарафанах с надписью «Русское бистро» сновало множество девиц с

лотками, предлагая творожные сочники и бутерброды. Но народу было не слишком много: туристы с рюкзаками, богомольные женщины в косынках и стайки простоволосых любопытствующих девиц, случайные дачники и чинные семейства принаряженных крестьян из ближних сел; нет-нет да и мелькнет черная монашеская ряса, пройдет бравый казак в штанах с лампасами и с медалями во всю грудь, попадетсЯ какой-нибудь интеллигент в очках и с блокнотом, пробежит оператор с телевидения в поисках нужной точки. Тот же люд и перед монастырскими воротами. Здесь идет бойкая торговля: изделиями народных промыслов в виде звероподобных свистелок, нехитрая бижутерия, расписные деревянные яйца, альбомы репродукций русских живописцев, латунные крестики и картонные образки. Но основную околмонастырскую торговую площадь занимают тесно сдвинутые буфетные столы, на которых позади немногих закусок стоят ряды бутылок горячительного — от родного портвейна до водки всех цветов и многих сортов. Не хватает каруселей. Милиция не пускает кого не положено куда нельзя, народ попивает, топчется, судачит, и если не знать, по какому поводу веселье, то никак не догадаться, что таким образом обставлен праздник богоугодный, торжество церковное. А не свадьба, скажем, дочери секретаря местного райкома.

Первым признаком того, что торжественный момент надвигается, служит лимузин с несколькими машинами милицейской охраны с включенными на крышах мигалками. Это прибыл Патриарх, которого в кольце людей в рясах, в формах и в штатском быстро уводят на территорию монастыря. Вскоре бухает первый колокол, на-

чинается благовест — звон «во вся», как говаривали в старину. Принесенные в дар монастырю колокола, самый большой — полторы тонны весом, только накануне взгромоздили на колокольню при помощи двух БТРов, оснащенных специальными лебедками,— вот что значит дружба отца Феоктиста с военными... Народ хлынул к Старым воротам, куда приближался крестный ход с мощами, которые от Звенигорода несли к монастырю на руках. Церемония встречи была весьма краткой. Патриарх появился на минуту — весь в золотом глазете, в белой митре с золотым крестом, — принял раку на руки и исчез за железными воротами. Те тут же прихлопнулись, а brave десантники в сером камуфляже, на смерть сцепившись за руки, отсекали толпу верующих от стен монастырских, и лишь какие-то юркие молодые люди с сотовыми телефонами зашмыгали в очистившемся пространстве,— и спектакль закончился.

Впрочем, из выставленных здесь же репродукторов вскоре полилось хоровое «К Богородице прилежно ныне», — в соборе началась торжественная литургия. Нежные милиционеры повзводно обсели окрестные косогоры, солдаты слонялись и хотели курить, публика жевала бутерброды под водочку. Санитарная машина МЧС так и осталась незагруженной, к выносным туалетным кабинкам не было очереди, никто уже не ожидал никаких чудес. Но кто бы знал, из какого пепла возродилась эта обитель буквально на глазах. И кто знает, что будет с нею впредь.

ПЕРЕЙДЕМ ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

Вслед за Суворовым, тысячи наших соотечественников прошлым летом это уже сделали. Одни совершили посадку в Ницце, у подножья Приморских Альп, и разбрелись по побережью Французской Ривьеры. Другие лишь собирают чемоданы и готовятся отправиться километра на два выше, если отсчитывать от уровня моря, — на горнолыжные курорты, где сезон открывается в декабре.

Этим летом туристы из России валили на Ривьеру гуртом. Поток был столь значителен, что старожилы признали его рекордом всех русских сезонов на Лазурном берегу за всю прослеживаемую историю бухты Ангелов. Рестораны срочно заказывали переводы меню на русский, менеджеры отелей принялись искать русских сотрудников, в дорогих номерах среди обычной печатной информации на французском и — реже — на английском языках стало можно обнаружить экземпляр очередного номера богатого русскоязычного рекламного журнала «Берег», а в Ницце, начиная с августа, стала выходить тиражом в пять тысяч, что очень неплохо и для французской здешней газеты, русская курортная «Французская Ривьера» с полным перечнем и адресами всех возможных развлечений на побережье. А развлечений здесь, поверьте, немало. Не говоря уж о том, что повсеместно стало возможным смотреть передачи ОРТ по спутнику, для чего, вы понимаете, и стоит сюда ехать. Во всяком случае, первое, что я узнал, водворившись в Park отель в Ницце и случайно нажав на пульте кнопку

девятого канала, так это что генерал Рохлин подчинил себе ДОСААФ.

Разумеется, русский бум не обошел и Монте-Карло, где, впрочем, к русским и их безумствам привыкли еще с конца прошлого века. Здесь навстречу возможностям, что дает новая волна русской моды на Французскую Ривьеру для здешней туристической индустрии, ринулась прежде других самая динамичная и самая богатая туристическая компания Монако The Societe des Bains de Mer, S. B. M., «Общество морских купаний», и эта компания, по сути дела, определяет сладкий стиль жизни знаменитого маленького княжества.

Несколько архаическое название фирмы выдает ее весьма солидный возраст, который следует отсчитывать от закладки первого камня будущего здания знаменитого Казино на месте оливковой рощи на берегу монакской бухты в 1858-ом году

Ныне Общество располагает четырьмя самыми роскошными отелями Монте-Карло, знаменитыми на весь мир казино, а также спорт клубами, кабаре, оперой, так называемым Garnier Hall, где некогда проходили премьеры опер Берлиоза, Равеля и Масне, ночные клубы и морские термы, открытые в день рождения нашего века, с роскошным Центром красоты.

Вензель компании, три переплетенные буквы S, B, и M здесь едва ли не популярнее монархической геральдики, — а к княжеской семье в этой крохотной стране относятся с самым трогательным почтением, никогда не забывая отдавать ей приличествующие тысячелетней династии почести. Так что заветные три буквы вы найдете на упаковке мыла, на обложке меню самых

шикарных ресторанов, на рекламе игорного дома, на спичках и пепельницах в своем номере. Если, конечно, вы не промахнетесь и окажетесь в «Монте-Карло Бич», «Мирабу», «Эрмитаже» или «Отель де Пари». Впрочем, выбор вам предстоит не из легких.

Переезд из Ниццы в Монако оставляет такое же впечатление контраста, как если вы перенеслись в Ниццу из Геленджика. Монте-Карло — весьма необычное место, и запахи лимонных деревьев и морской соли здесь перебивает только запах денег.

Итак, «Монте-Карло Бич» — идеальный отель для молодых пар, ищущих уединения, быть может, самое спокойное место во всей округе, здесь волей неволей начинаешь любить человечество. Это — по масштабам Монте-Карло, конечно — загородный отель, обставленный в духе итальянского «дольче вита», причем он самый малолюдный, здесь всего сорок четыре номера. Он расположен на самом берегу монакской бухты, в центре которой — площадь казино, а с другой стороны — полуостров со старой крепостью, княжеским дворцом и несколькими тесными улочками, которые здесь величают Старым городом. Забавно, что здесь, как в любом средиземноморском старом городке, в пятнадцати шагах от дворца вы увидите все то белье, сушащееся на веревках, протянутых над вашей головой...

Все номера отеля смотрят на море, так что со своего балкона вы будете любоваться чудной панорамой бухты, скоплением белоснежных яхт, а по вечерам настоящей иллюминацией, которая загорается над площадью Казино, сердцем этого единственного в своем роде места на земле. На склонах гор над отелем распо-

ложен к тому кантри-клуб с теннисными кортами, а еще выше — площадки для гольфа, и здесь приходится поверить на слово. Потому что если задрать голову, то трудно представить, где могут располагаться поля для гольфа среди этих почти отвесных меловых скал.

Самый молодой отель, из принадлежащих компании, называется Mirabeau. Он — третий по величине, и не отличается чрезмерной чопорностью. Тем, кто предпочитает более современную непринужденную обстановку, это может показаться немаловажным. Особенно если принять во внимание, что в отеле 1900 года *Hermitage* вы окунаетесь в атмосферу арт-нуво, а в соседнем, самом роскошном *Hotel de Paris*, который моложе самого Казино лишь на пять лет, вы окажетесь в обстановке *Belle Epoque*. В знаменитые «термы» — по-просту, бассейны с подогретой морской водой, вы можете попасть из обеих отелей, не выходя на улицу. Кроме того, здесь, разумеется, полный набор услуг — ванны грязевые и с водорослями, душ шарко, бани, массажные и косметические кабинеты.

В фойе отеля *de Paris* перед входом стоит бронзовое изображение короля Людовика XIV на коне; конь поднял правую ногу, и эта самая нога отполировала до золотого блеска многочисленными руками суеверных игроков — считается, такое рукопожатие приносит удачу за рулеточным столом. Глядя на это изваяние, вы мигом вспоминаете, что главное богатство и достояние княжества — его казино. И что слово игра здесь должно писаться с большой буквы. «Обществу» принадлежит четыре горных заведения, но самое знаменитое среди них одно — огромный дворец, отделенный от моря ли-

монной рощей, а фасадом выходящий на площадь. Это заведение окружено легендами. Оно видело в своих залах принцев и знаменитых писателей, композиторов и великих князей, не говоря уж о банкирах и самых известных и изысканных дамах Европы. Да что говорить, по некоторым подсчетам в одном только 1869 году через казино прошло 170 000 посетителей. Сейчас счет идет на миллионы гостей в год.

История выигрышей здесь тщательно храниться, а имена наиболее удачливых или наиболее проигравших игроков остаются в анналах. Внешне оно вполне демократично: за 50 франков вы покупаете входной билет и можете себе спокойно играть. Но настоящая большая игра идет в задних комнатах, куда попадают лишь игроки, имеющие специальные карточки заведения.

Но, если вы не игрок, а, скажем, гурман, то для вас здесь тоже — огромное поле деятельности. О местных ресторанах можно писать песни. Споем лишь о веранде отеля de Paris, одного из девятнадцати здешних ресторанов, принадлежащих компании. Это — особое место во всем княжестве, потому что здесь за ланчем вы вполне можете встретить наследного принца Альберта в клубном пиджаке или одну из двух монакских принцесс в джинсах. Не говоря уж о самой отборной публике, съезжающей сюда со всего мира. Вечером же, если вы решили не забираться в ресторан «Куполь» или умопомрачительного убранства «Людовик пятнадцатый» и предпочесть здешней изысканной гастрономии дыхание самой атмосферы Монте-Карло, то лучше всего занять позицию за одним из столиков Cafe de Paris, что напротив одноименного отеля, веранда которого смот-

рит прямо на площадь Казино. Кафе — самое старое в Монте-Карло. Мимо вас, как на сцене, будут проходить сцены вечерней здешней жизни: игроки будут высаживаться из автомобилей прямо перед вами — дамы в нарядах и мужчины в смокингах и пиджаках (даже в самый жаркий день без пиджака вход в казино запрещен), заиграет в ночном освещении роскошный фонтан в центре площади, а на подиуме чуть в стороне, посреди сквера что ни день даются представления или происходят концерты под открытым небом, привлекающие толпу зрителей.

К русскому Рождеству здесь готовят роскошный бал. Происходит он по традиции в так называемом Звездном зале одного из самых роскошных ночных клубов Монако. Правда, в княжестве нет русской церкви — ближайшая в Ницце, — но это единственное, чего здесь нет. Но если в канувшие советские времена в этот день, предваряющий наш Старый Новый год, который тоже здесь празднуют, называя «Русским», в Монако собирались лишь представители эмиграции, то вот уже почти десять лет как здесь из году в год все прибавляется участников веселья из числа наших соотечественников.

Но будем объективны. Не все любят холодное море и довольно ощутимый ветерок в начале января на побережье. Для них русский бал устраивается и в горах, в одном из четырех отелей горнолыжного курорта Courchevel, славящегося, кстати, длиной своих трасс — шестьдесят пять километров. Но это тема — для особого рассказа.

ЕГО ЗОВУТ БАТЕЙ, или сказ про то, как отец Александр арапа крестил

Мы вошли в храм, душный от свеч и ладана. Благо-
стно пел хор, доносился голос батюшки из-за царских
врат, навстречу нам шел, сверкая сахарными зубами,
черный как ночь африканский принц...

По утрам принц подметает церковь, днем торгует в
храмовом ларьке; беглая горянка, родившая незакон-
ное дитя, красивая, как лермонтовская Бэла, приняла
здесь Православие и стала экономкой настоятеля; мо-
лодой юрист, входящий в приходский совет, мечтает,
чтобы в каждой тюрьме был свой священник, для чего
намерен зарегистрировать специальный фонд; здесь
живут застенчивые люди, отмотавшие по много сроков
на зонах, у многих из них нательный крест наколот пря-
мо во всю грудь; здесь кормится народа, как в среднего
размера монастыре, повариха — из хорошего москов-
ского ресторана, жена крепкого мужика, который сем-
надцать лет провел в лагерях, два года как на воле, но
не скучает, как видно, по узилищу, работает на благо
Церкви; по праздникам сюда подъезжают крутые джи-
пы, и бритые ребята с бычьими шеями, с золотыми кре-
стами, которые носят они поверх рубах, как священники,
спешат пожертвовать храму немалые суммы и дорогие
иконы, чтоб им отпустили грехи; следом за ними идут
на исповедь работники прокуратуры, генералы с гене-
ральшами, журналисты, артисты, чемпионы по восточ-
ным единоборствам, грешные жительницы окрестных
спальных районов и давно безгрешные старухи из
ближних деревень... Здесь, как везде и всегда у нас, все

перепутано, соседствуют вещи несовместимые, здесь Русью пахнет!..

К отцу Александру Немченко ехать от правительственной трассы всего ничего. Свернуть с Можайки на Рябиновую, после Троекуровского кладбища взять направо, и вот она, двуглавая: одна маковка — на храме, вторая — на колокольне, церковь Святителя Николая Мирликийского.

Рядом лесопарковая полоса, поскольку храм не огражден, по выходным прет мимо паперти невоцерковленная молодежь с позвякивающими полиэтиленовыми пакетами в руках — от ближайшего магазина к недалеким кустам. На пикник, так сказать. Если глянуть окрест, с одной стороны вид на какие-то ангары вдалеке, эллинги, склады — там начинается промышленная зона, тянущаяся в сторону Очакова. По другую сторону виднеются серые новостройки. Так что храм стоит посреди островка зелени, втиснутого в унылый урбанистический пейзаж. Если мысленно вынести церковь за скобки, прилегающая к ее стенам территория тоже выглядит весьма странно. Вот гараж, вот груды металлолома, разбитый грузовик, штабели стройматериалов; вот барак самого задрипанного вида, на стене проржавевшая табличка с надписью: «Не кури!». Под ней, бок о бок, с двумя баллонами из-под пропана, курит на короточках мужичок с лиловыми от татуировок руками; в ответ на просьбу сфотографироваться мужичок застенчиво отказывается: «Мы не фото-гигиеничные». Вот, чуть поодаль, два больших сборных загородных коттеджа, веревки с постиранным бельем, на одном крыльце симпатичный черный бобик, колорит самый дачный.

Вот небольшой уютный домик с каминной трубой на крыше, садик с облепихой, сиренью и жасмином, на заездах припаркован весьма пристойный «Форд».

Вокруг свежесаженого травой газона на церковном дворе — аккуратная кирпичная кладка, посередине три солидных валуна и надгробный крест. Еще чуть дальше, за руслом пересохшего ручья, — старый яблоневоый сад и порушенный кирпичный дом священника, оставшийся с начала века.

Вот, наконец, идет и демиург всех этих чудес, отец Александр Немченко, рано полысевший, с сильными руками, в рясе персикового цвета, из-под полы которой выглядывают модные штиблеты. Человек, изо всех рамок выпирающий, московская достопримечательность: о нем телерепортажи снимают, пишут статьи, только что легенды не складывают, — знакомьтесь, не робейте, батюшка идет навстречу всякому страждущему. А ведь мы с вами страждущие, верно, ни за что не поверю, коли скажете — нет...

Рассказывая об отце Александре, не знаешь, с чего начать: биография пестра и запутанна, как авантюрный роман, и сам отец Александр, хитро щурясь, помочь разгадывать сию шараду не спешит. Известно, к примеру, что в конце 70-х, двадцати восьми лет от роду, он оказался в Мордовии. Не в лагере, но рядом, в селе Колопено Краснослободского района, где занимался восстановлением церкви опять же святителя Николая. Отметим два важных момента: в тогдашней Мордовии вся жизнь была пропитана лагерным духом, и в селе Колопено было много народу, отпущенного на поселение, — не оттуда ли пошел и своего рода тюремный опыт отца

Александра?.. И второй момент: не кажется ли вам чудесным, что первый его храм и храм нынешний посвящены одному и тому же святому, пусть и самому любимому на Руси? Без подобных совпадений сюжет любого жития кажется незавершенным...

А теперь ряд вопросов: как оказался молодой человек в Мордовии? Был назначен на приход? Но кто в те годы мог назначить на приход священника, если ни собственно прихода, ни даже храма не было? Была ли с ним матушка, а коли была — куда делась? И что значит «восстановил церковь» — кто позволил восстановить? Вот и тамошний КГБ объявил на молодого батюшку гонения — вряд ли органы так разволновались бы, коли дело было согласовано в Москве с Комитетом по делам религий. А если не было согласовано, то по тем глухим временам деятельность Александра Немченко должна была считаться прямым подрывом советской власти. За такое можно было и срок схлопотать, благо, «политические» рядом...

Но нет, я не стал задавать батюшке столь мелких и бестактных вопросов: красивая легенда на то и легенда, что держится вся на главных, поражающих воображение событиях, а лишние подробности только мельтешат, привносят скуку низкой жизни.

Пойдем лучше дальше... Прослышав о подвиге молодого священника, призывает его к себе в город Пермь тамошний владыка. Поворот сюжета опять-таки вполне житийный, чуть отдающий Лесковым. Дальше — больше. Призывает, значит, отца Александра владыка, и молодой подвижник приходится иерарху настолько по сердцу, что он пишет ему сопроводительное письмо в

Москву, к самому патриарху Пимену, и тот направляет Александра Немченко служить в только что открытый Свято-Данилов монастырь.

Опять чудеса: попасть из провинции в столицу мог священник разве что с блатом на Лубянке. Но ведь на то и сказка, чтобы сам патриарх осыпал милостями безвестного удальца. Надо заметить, что Данилов был по тем временам из самых строгих монастырей: братии кот наплакал, да и туристам смотреть нечего. Говорят, нарочно власти вернули Патриархии по причине грядущего 1000-летия крещения Руси именно Данилов, оскверненный более прочих древних обителей. Сначала-то разговор шел о Донском или Андрониковом. Тут — опять знак, важный в судьбе отца Александра. Полвека в стенах Данилова помещалась пересыльная тюрьма для малолетних правонарушителей, через которую прошло немало «детей врагов народа». На первых «религиозных субботниках» в обители, рассказывают, под грудами битого кирпича и мусора находили человеческие кости и антимины, на которых служится литургия, — куски ткани с изображением положения Христа во гроб и со вшитыми с исподу частицами мощей. Пришлось бежать за наместником: простому человеку прикасаться к таким святыням страшный грех.

В Данилове жил о ту пору игумен Зинов, прославленный наш иконописец, — создавал дивной красоты иконостас. В разнорабочих на этой ударной стройке клерикализма проливал пот весь цвет московского диссидентства, прорабом каменщиков был философ, автор «Метрополя» Виктор Тростников. Попал, короче, наш герой туда и тогда, куда и когда следовало. Не будучи

монахом, он дал обет безбрачия. За проведенные здесь четыре года отец Александр имел полную возможность углубить свои знания и навыки по хозяйственной и строительной части.

Ну а затем отправился в вольное плавание.

Он недолго служил поочередно в двух храмах — в Ильинском в Черкизове и на Рогожском кладбище. Попробуйте сказать, что и тут не вмешалась матушка-судьба: каждый храм даже по московским понятиям особенный. На погосте первого — могила описанного Лесковым и Достоевским знаменитого московского юродивого Корейши, которую по сегодня почитают чудотворной; второй же храм вовсе находится в старинной вотчине московских старообрядцев. Но это к слову, хотя в такой судьбе каждое лыко в строку... Пришла пора самому стать настоятелем, и отцу Александру предложили на выбор три церкви: две вполне обустроенные, а третья — на окраине, плохонькая, полуразрушенная, в которую мы с вами и пришли...

— Конечно, брать этот храм поначалу не хотелось... Но потом я задумался: ведь если здесь на приход назначат какого-нибудь немощного батюшку и он все-таки наладит здесь службу, то я, попав сюда как-нибудь случайно, от стыда глаз поднять не смогу...

Вообще оппозиция «храбрость — трусость» свойственна его рассуждениям. Значительно в большей мере, чем, скажем, «грех — покаяние», что может показаться странным для священника. Объясняется это в немалой степени тем, что отец Александр смолоду склонен к боевым единоборствам — он, мастер спорта по воль-

ной борьбе, продолжает посещать тренировочный зал и по сей день.

Теперь я перечислю занятия отца Александра, выходящие за рамки обычного священнического служения — молитвы, исповеди, проповеди, литургии, крещения, отпевания, венчания, выездные требы — если надо соборовать или причастить больного, освятить квартиру...

Во-первых, как сказано, он спортсмен. Причем не шахматист или теннисист, а такого профиля, что сказать ему в темной подворотне: «Дай закурить!» — небезопасно.

Во-вторых, он строитель, и отчасти собственными руками за восемь лет возвел заново храм, впервые освященный триста лет назад.

В-третьих, отец Александр своего рода новый русский Макаренко — фактически он является руководителем общины из двух десятков недавних насельников лагерей и тюрем. Патриархом благословлена идея создания при этом храме православного Центра реабилитации и помощи бывшим заключенным. Я беседовал с духовными чадами священника Немченко — надо было слышать, с каким благоговением эти «разбойники благородные» говорят о «бате»: наверное, так относились казаки Стеньки Разина к своему вожаку.

В-четвертых, отец Александр выступает инициатором Всероссийской акции оказания Церковью юридической поддержки обвиняемым.

В-пятых, отец Александр — вопреки рекомендации Патриархии — баллотировался в Думу. Неудачно, правда, но к публичной политике питает интерес.

В-шестых, отец Александр радушен, гостеприимен и словоохотлив.

Из нескольких бесед с ним я смог составить о нем кое-какое личное впечатление. Как священник он редко либерален — а мало ли в церкви и при ней ханжей? Однажды жарким днем, когда мы сидели с ним на лавочке перед храмом, к церкви подошла пара; молодой человек вошел внутрь, девушка в откровенном, почти пляжном, наряде осталась перед входом.

— А ты что ж? — спросил отец Александр.

— Косынки нету... да и вообще, — зажеманилась та.

— Ничего, ступай, — разрешил батюшка, а мне пояснил:

— Грешно лишать человека молитвы. Отцы-пустынники вообще голыми ходили...

Мирские же воззрения отца Александра либеральными никак не назовешь. Не буду приводить пересказ наших долгих бесед, замечу лишь, что батюшка исповедует идеи, скажем так, державные, популярные в гуще народной и по-своему симпатичные. С симпатией относится он, как ни парадоксально, к советской власти, в трапезной, по соседству с образами, держит портрет Ленина. Так что, окажись он в Думе, мы никак не увидели бы его в компании Хакамады. Свой консерватизм батюшка объясняет происхождением, тем, что негоже сынам от отцов отречься: с одной стороны, в нем течет княжеская кровь, но с другой стороны — какие-то командармы. Неизвестно, чьих генов больше. В кого больше он уродился.

Вообще, благостью и смирением батюшка не отличается.

Недавно побывал в Чечне. Что уж его туда понесло — Бог весть. Обронил: мол, не каждого священника военные туда позовут... Пожимает плечами: «Есть же у них под боком поп в Моздоке. А позвали меня...» Освятил он молельный дом в Грозном, заменяющий ныне разрушенные храмы, крестил и причащал, с гордостью утверждает, что за время его присутствия в близких к его временной дислокации частях потерь не было. Не раз был под огнем, летал на вертолетах низко над землей — чтоб не сбили, признается, что по ночам теперь его трясет, и просыпается он в крике... Собирается в Чечню еще: не поехать — значит, струсить, а этого, как мы знаем, отец Александр никогда себе не позволил бы и не простил.

Однако при всей харизме, многотрудной своей жизни, характере бойца и при всей своей неукротимой энергии отец Александр в чем-то мальчишка. Азарт мальчишеский, бахвальство, неожиданные переходы от суровости к нежной прекрасной улыбке, чуть застенчивой: мол, если сболтнул чего лишнего, ты уж прости... Вот эта черта — совсем уж редкая в людях, облеченных властью, какой бы то ни было, тем более духовной.

Тут можно поставить точку. Но репортаж настолько похож на житие, что сама собой просится вставная новелла о черном принце, который первым встретился нам в этом чудном и чудном храме.

История принца Фабиана под стать житию батюшки, коего он совершенно обожает. Фабиан — природный наследный принц, сын одного из царьков Восточной Нигерии. Как водится, отец послал его учиться в Россию, и Фабиан окончил экономический факультет Воронеж-

ского университета. Перед отъездом в родную Нигерию заглянул в Москве в общежитие к землякам. Тут — милицейская облава, в комнате находят героин. Всю компанию под черны рученьки препровождают в кутузку. Принц Фабиан садится на пять лет в спецзону для иностранцев. Как уж он там прознал про отца Александра — не знаю, но принц утверждает: перед самым освобождением явилась ему Пресвятая Богородица, велела ехать в Москву и креститься. Так он появился в Троекурове. Влюбился в своего духовного отца и назад в свою Нигерию ехать не хочет. Прямо ремейк «Арапа Петра Великого»...

Самое смешное, что, когда в одной из газет напечатали фотографию, где отец Александр принимает у себя в храме патриарха, батюшка на том снимке выглядел сущим арапом. Ну так с кем поведешься...

Мы сидим в трапезной, батюшка зовет зычным своим голосом:

— Фабиан, у нас там водочки не осталось?

Фабиан, играя черными как ночь глазами, скаля сахарные зубы, несет поллитру. Отец Александр наливает: себе на донышко, мне до краев, принцу ни капли:

— Ну, за знакомство!

МНОГОЖЕНЕЦ

Некоторое время назад страшно популярная у пассажиров метро и электричек газета с кофейно-железнодорожным названием опубликовала материал о свадьбе своего главного обозревателя с юной красивой особой. На фотографиях особа выглядела счастливой и слегка растерянной...

К тому дню, когда Таня покончила с собой, она второй год состояла в счастливом браке. Правда, у нее не было подвенечного платья и свадебного путешествия, но Труба, ее муж, помнил за собой должок — обещал отвезти в Париж (возместил бы и отвез бы, она могла не сомневаться). Таня была, так сказать, счастливой самоубийцей.

Он нашел ее в обменном пункте.

Таня сидела в окошечке под охраной и обменивала «зеленые» на отечественные и наоборот. Чертами лица она напонила ему сразу двух или трех его — из шести — прежних жен. Заглядывая в низкое окошечко, Труба не мог увидеть, что она почти на голову выше его. По возрасту она годилась ему в дочери — это-то из его позиции клиента как раз было видно. Долгих ухаживаний не понадобилось, хотя ухаживать он умел в собственном, для простых дам непривычном и заманчивом, стиле, делая витиеватый «микс» из самовозвеличивания и самоуничижения.

Вскоре он ушел от прежней жены, они с Таней принялись жить вместе и, едва он официально развелся, что называется, сочетались браком. И даже обвенча-

лись, хоть он уж два раза — церковь это никак не приветствует — был венчанным. Через полгода после свадьбы он подарил Тане полушубок из чернобурки. Следующей большой тратой должны были стать расходы на Париж. Сколько-то времени ушло, чтобы выправить ей заграничный паспорт; потом он должен был организовать приглашение от французского приятеля. Как мы уже знаем, хлопоты пропали даром — Таня выбросилась с двенадцатого этажа поздним февралем, так и не увидев Елисейских полей.

Следствие быстро определило бытовой характер случившегося. Было установлено, что супруги вернулись из гостей и в этих самых гостях она, напившись, учинила драку с хозяйкой дома. Он привез ее домой на частной машине. Войдя в квартиру, Таня сбросила с плеч тот самый полушубок и рванула балконную дверь. От растерянности он не сразу понял, что происходит, и успел лишь кончиками пальцев ухватить ее кофточку. Сам он был абсолютно трезв, уже больше года как «в завязке», в скандале в гостях участия не принимал, лишь урезонивал супругу, соседи свидетельствовали, что никакого шума в их квартире они в тот час не слышали. Так что версия, будто он сам вышвырнул молодую жену с балкона, не проходила: во-первых, это было ему не по силам; во-вторых, никаких мотивов расправиться с ней у него не было. В-третьих, зная его четверть века, я сказал бы, коли у меня спросили бы, что интеллеktуал и декадент Труба (будем звать Игоря этой старой богемной кличкой, производной от фамилии) — если бы ему все-таки пришло в голову расправиться с Таней — поступил бы не так кровожадно...

Чтобы разобраться в самоубийстве седьмой жены Трубы, нам придется пройтись по его биографии многоженца. Потому что именно обилие жен оказалось к пятидесяти годам главным, если не единственным, его жизненным багажом.

Когда-то он собирался «в художники», учился во ВГИКе; у кого-то, быть может, и сейчас пылятся его ранние работы, которые он во множестве производил в 60-х, примыкая к одной из групп тогдашних авангардистов — «эротических мистиков», как они себя рекомендовали городу и миру.

Приятели и коллеги Трубы запирались в подвалах и на чердаках, неистово мазюкали, презирая всяческие запреты, втюхивали полотна иностранцам, жили, как на минном поле, потом эмигрировали по еврейской линии, а спустя лет двадцать возвращались из эмиграции на белом коне. Но это самые стойкие, большинство спивалось с круга. Ни по первому, ни по второму пути Труба не пошел. Его отец — кстати, из приличного дворянского рода — был партийным экономистом немалого калибра, при этом постоянно выезжал за границу.

Отчасти под нажимом отца, частью из романтических побуждений Труба взял распределение на магаданское телевидение. В Магадане он и женился в первый раз.

Брак этот по всем статьям был весьма экстравагантным.

Избранницей Трубы оказалась юная красотка по имени Люда — Люша в просторечии, позднее — тетя Лю. Была она из-под Москвы, из Можайска, кажется. Срочно покинуть столицу Люше пришлось под угрозой,

что ее сошлют за проституцию за 101-й километр. Не могу в точности сказать, каким образом Люша вместо панели Белорусского вокзала, где начинала свой жизненный путь, оказалась в богемном кругу. Один мой знакомец, поэт О. О., тоже записной многоженец, утверждал, что «открыл» Люшу именно он. Каким образом — умалчивал, но будто бы, подобрав на улице, снял для нее квартиру (что для него было возможно в те годы — О. О. писал на заказ песенки для кинофильмов и слыл богатым даже в среде московских фарцовщиков) и держал под замком, заставляя упражняться в стихосложении. Это тоже могло быть правдой: О. О. отличался невероятно стойкой склонностью к учительству и дидактике — настолько, что ухитрился из одной из своих короткопалых — в него — дочерей (шестой брак) сделать известную пианистку. О том, что было дальше с начинающей поэтессой Люшей, О. О. не распространялся, но вполне логично предположить, что он мог, скажем, проиграть ее в карты кому-нибудь из дружков по Дому кино. А там уж пошло-поехало...

Так или иначе, но юная Люша, вместо того чтобы отправиться за 101-й километр, оказалась замужем в Магадане. Эту чудную комбинацию — послать Трубе в Магадан в подарок Люшу — придумала одна ее старшая подруга по богеме, женщина, кстати, достойная отдельного рассказа...

Я познакомился с ними, едва они вернулись в Москву — году что-нибудь в 71-м. На путь, что называется, дамской порядочности Люша встала только в одном смысле — не брала денег с окружающих мужчин, преимущественно приятелей Трубы. Прожил он с ней года

два, а потом плавно перешел в руки ее товарки. Поболтавшись в Москве еще какое-то время, Люша отбыла во Францию, выйдя замуж за алжирца. Пять браков Трубы спустя я видел ее у него в гостях, когда она навещала родину. Перемена была разительной: из сексапильной красотки Люша превратилась в донельзя обношенное существо. По-видимому, она крепко сидела на игле — алжирец в своем арабском квартале держал торговлю героином...

ХОЧУ БЫТЬ В ЦИРКЕ ДРЕССИРОВЩИЦЕЙ

Год назад в подвале помещения бывшего детского сада в Измайлово при обыске был найден арсенал оружия.

Оперативники изъяли дорогую винтовку, на которую, впрочем, оказалось разрешение, и боеприпасы к ней. Коллекцию ножей — отнюдь не из столового сервиза. Два пневматических пистолета, на которые разрешения не требуется — они использовались для тренировок. После поисков найден был и не учтенный обрез — он играет роль в этой истории. Нашлась библиотека: фашистская литература, книги по оккультизму и ведовству. Плакат, где на контур человеческого тела были нанесены болевые точки, висел на стене. С потолка свисала боксерская «груша». Валялись обрезки металлических труб и обломки бильярдных киев. Из-под ванны извлекли видеокассету, которую владелец не счел нужным спрятать подальше.

То, что было на ней изображено, повергло в шок даже милиционеров. Камера зафиксировала подроб-

ную и томительную сцену, снятую в этом же подвале: обрезком трубы девочка-садистка в милой матроске избивала двух взрослых мужчин со связанными за спиной руками. После чего заставила их заниматься друг с другом любовью. Лица мужчин были не опознаваемы — один сплошной черный кровоподтек.

Тридцатитрехлетний хозяин и основатель первого в стране частного детского дома, созданного в Москве семь лет назад при шумной поддержке средств массовой информации и располагавшегося в этом помещении, Дмитрий Карпов, накануне был арестован РУОП. При задержании на улице он оказал сопротивление семерым оперативникам — в молодости был неплохим каратистом.

Детский дом

Начало было заурядным: выпускник педагогического техникума пришел работать воспитателем в один из московских детских домов. Что это за учреждения — всякий догадывается. Среди воспитанников здесь мало тех, чьи родные в одночасье погибли. Как правило, это сироты при живых деклассированных родителях. Чаще всего дети оказываются здесь в самом юном возрасте: на вопрос «с каких лет ты в детском доме?» одна из героинь этой истории ответила: «с рождения». Как правило, у этих детей никогда не было своей игрушки. Они не знают, что такое плескаться в ванне с детским шампунем. О результатах таких обстоятельств редко говорят: эти дети, взрослея, туманно представляют себе, как живут *нормальные* люди. Степень их неосведомленности

сказывается, когда они становятся совершеннолетними и государство снабжает их паспортами и жилплощадью. И умывает руки.

Приспособиться к обычной жизни они чаще всего не в состоянии. Они никогда не разогревали себе котлеты и не варили сосиски: они всегда получали их на раздаче. Зачастую у них самое смутное представление о природе и свойствах денег. Они всегда боролись за существование внутри своей стаи, но никогда не добывали пищу. А главное — они всегда жили под опекой, и без опеки пропадают.

Их опекуны — чаще всего средних лет женщины со средним же образованием и ниже среднего общим развитием. У них была или есть семья. И есть свои дети. Работа в детском доме для них — тягостная необходимость: это труд тяжелый и низкооплачиваемый, в глазах окружающих малопочтенный, что-то вроде тюремного надзирателя. Отношение таких педагогов к своим воспитанникам далеко от материнской любви. Призираемые дети кажутся им лживыми, вороватыми, развратными, «не понимающими человеческого языка», потенциальными преступниками и проститутками, — такими, какими многие из них и являются. Для того, чтобы разглядеть в этих детях живые души, надо иметь время и терпение, чего эти замороженные женщины не имеют. Не говоря уж об известной деликатности души собственной.

Это средняя картина. Отклонения бывают в ту и в другую сторону. Худший вариант: мужчина-воспитатель, чаще алкоголик, с выраженными садистскими наклонностями. Или женщина же, но отличающаяся изощрен-

ной страстью к издевательствам над своими питомцами. В тех детдомах, где такие люди у власти, детей не просто обкрадывают (это-то сплошь и рядом, тем более, что дело добычи средств в основном лежит на плечах администрации, так что себя забыть трудно), но рано растлевают, жестоко избивают и подавляют какие-либо остатки воли. Здесь цветут доноительство и детдомовская «дедовщина».

Но не все так мрачно. В советском искусстве можно найти образец: женщина-подвижница, монахиня в миру и макаренко в юбке, отдает всю себя воспитанию сирот. Ее воспитанники, повзрослев, становятся депутатами и летчиками-космонавтами, никогда не забывающими поздравить ее с восьмым марта. Быть может, есть и такие. В реальной жизни, впрочем, чаще встречается другой тип — относительно молодой мужчина, холостой и бездетный, посвятивший себя работе с детьми. Самое удивительное, что это именно тип, не единичные случаи, хотя такие люди в сплошь женских коллективах все равно кажутся исключениями. Они-то и становятся вожаками своей стаи человеческих детенышей

Вожак

Прежде подобный тип встречался среди пионерских вожатых, учителей труда из отставников и инспекторов детских комнат. Среди мужчин-воспитателей детдомов тоже попадают отставные военные и бывшие милиционеры. Бывают и экзотические случаи: в одном из московских детдомов работает сорокапятилетний мужчина, в прошлом — гражданский летчик, по-

том, после МГИМО, который он окончил в весьма солидном возрасте — сотрудник МИДа. Последние полтора десятка лет он — воспитатель детского дома, в котором, преимущественно и живет. Отпуск проводит с детьми в походах: учит разжигать костер и спать на голой земле; зимой у камелька читает им вслух Шекспира. Одержим американскими теориями о становлении характера и обучении межличностному общению, благо знает английский. Эти теории проверяет на практике. Говорят, дети в нем души не чают.

Одержимость — главный стержень характера людей этого типа, обратной стороной этого качества является известная, скажем, ограниченность. Как и любимыми мужчинами, ими движет страсть к самоутверждению. От своих воспитанников они относительно легко добиваются не только любви, но — обожания. И — что весьма важно — полного подчинения и готовности к самопожертвованию. Согласитесь, живя среди взрослых людей, даже уча обыкновенных школьников, получить такой результат непросто. Проще добиться этого от мало-развитых и брошенных детей, чаще всего никогда не видевших своих отцов. Последний момент играет решающую роль. Вожатый в лагере или учитель в школе получают детей на время, детдомовский воспитатель — в многолетнее владение. Он замещает воспитанникам отца в самом глубинно психологическом смысле, становясь «символом упорядочивающей инстанции». Подобной, скажем так, сиротской харизмой с молодых лет отличался, судя по всему, и Дима Карпов.

Харизма

Он сам в прошлом прошел школу-интернат: среди воспитателей детских домов высок процент бывших детдомовцев, — для кого тюрьма, а для кого мать родна. Самозабвенный энтузиазм новичка быстро был оценен его питомцами, и столь же скоро вызвал неприязнь остального педагогического коллектива. Он был спортсмен, велеречив, хорош собой, обаятелен, нравился молодым дамам, что в таких случаях — минус. Производственный конфликт закончился, естественно, в пользу женского большинства, и Диме указали на дверь воспитательного учреждения.

Но тетечки из детского дома, победив, не учли ряд обстоятельств.

Во-первых, их противник настолько привязал к себе ребят, что десяток человек его воспитанников ушли за ним на неуютную столичную улицу. Во-вторых, за время междоусобицы Дима успел завести связи среди журналистов, которые развернули кампанию в его защиту. «Он всегда был очень убедителен», — скажет одна из них, сделавшая для Карпова едва ли не больше других. Так начала восходить его педагогическая звезда.

Здесь впору притормозить, чтобы обратить внимание на два момента начала этой истории.

Первый связан с вмешательством средств массовой информации в одну из тех сфер, что любому кажутся элементарными, как изящная словесность. Дети — материя близкая всем; поэтому журналистам, особенно женщинам, представляется, что здесь они должны себя

чувствовать, как рыбы в воде. Журналистская самоуверенная некомпетентность потрафляет массовым ожиданиям: статьи и передачи рисуют вполне сусальные картины. Дело усугубилось и тем, что на дворе была — «перестройка». Перестроечная общественность радостно проглотила лакомую наживку: с одной стороны — косный коллектив малообразованных женщин, следующих заветам советской педагогики; с другой — молодой новатор-энтузиаст. И между ними дети, сошедшие с иллюстрации к святочному рассказу писателя Достоевского «Мальчик у Христа на елке». Кампания понеслась, как с горы. Появились статьи в газетах и журналах, передачи на телевидении. CNN сделала об этой истории сюжет. Из Франции прилетела сердобольная христианка-меценатка с гуманитарным грузом. Это была теория малых дел в действии: для многих тысяч детей-сирот в России ровным счетом ничего не изменилось, тогда как четыре мальчика и пять девочек под водительством Димы Карпова уже через полтора года чудесным образом оказались в частном детском доме, под который отвели помещение детского сада, — помещение, рассчитанное, кстати сказать, на несколько групп малолетних детей по двадцать голов и на полдюжину человек персонала.

И второй момент. По-видимому, этот сказочный переворот в жизни девяти сирот из отдельно взятого детского дома с юридической точки зрения был не вполне законен. Точнее, вполне незаконен. Скажем, пока помещения не было, дети год жили с Карповым в квартире его любовницы. А ведь отвечать за них по-прежнему должны были те самые тетечки из детского

дома, куда дети были приписаны. Но, гласность, мы знаем, страшная сила, и неюные воспитательницы, по видимому, не стали искать на свои натруженные плечи лишних приключений. Непонятно куда смотрел и департамент социальной защиты, на глазах которого разворачивалась вся эта история. Это русская черта: исполнение законов у нас и всегда, не только в «перестройку», ставят много ниже торжества *высшей справедливости*.

Высшая справедливость

Здание детского сада в Измайлово стало местом паломничества. И далеко не только журналистов. Здесь бывали и бизнесмены, и иностранные спонсоры, люди из мэрии и даже особы из Кремля. И каждый норовил внести свою лепту в благородное начинание. Дима Карпов был в моде, его узнавали на улицах. Старушки, видя в метро, осеняли крестным знаменем. В ту пору, одержав двадцати шести лет от роду столь внушительную победу — все-таки, как-никак, его детский дом был первым частным заведением такого рода в стране, — он о многом мечтал. Мы не знаем о чем, но это были, наверняка, сладкие грезы: пост министра, всемирное признание его педагогического гения, ЮНЕСКО объявляет «год Карпова»... Тогда он еще не знал, как проходит земная слава. И как быстротечна жестокая мода.

Так или иначе, к моменту его ареста частный детский дом на девять воспитанников, четверо из которых, впрочем, уже подались в бега, кое-чем разжился и обладал солидным имуществом. Поскольку места в зда-

нии оказалось достаточно, здесь были и оборудованная кухня, и столовая, и спальни, и ванны. И, конечно, апартаменты самого хозяина, «наверху», как говорили девочки. Был даже свой небольшой автопарк: рафик и джип-«чироки». Как мы уже знаем, был и видео-центр: телевизоры, магнитофоны, японская видео камера, с помощью которой снимались отнюдь не только сцены в подвале, но и вполне идиллические фильмы, предназначенные «для широкого показа». Гостиная была обставлена старинной мебелью, на стенах — писанные маслом картины. Библиотека состояла вовсе не только из названной выше литературы — то были личные книги воспитателя,— но из сочинений классиков. Здесь же стоял рояль, на котором для гостей каждый из воспитанников играл что-нибудь вроде мазурки Шопена, и есть умилительная видео запись, на которой девчушка по имени Наташа — та самая, из подвала, с обрезком металлической трубы в руках,— бацает «Лунную сонату». На всех записях дети выглядят если не холеными, то весьма и весьма ухоженными, совсем неплохо одетыми, а на девочках, как выяснилось, бывало даже кружевное дорогое белье. Что, впрочем, объяснимо: Карпов был в своем роде эстет, сам на некоторых кадрах глядит просто денди...

И здесь мы подходим еще к одному обстоятельству: кажется, вся жизнь этой дружной семьи проходила, так сказать, на глазах общественности. Здесь, помимо гостей и журналистов, бывали приглашенные учителя (в обычную районную школу, как это теперь широко практикуется в детских домах, Карпов своих воспитанников не пускал). А детей пользовали в ближайшей поликли-

нике. Но, скажем, когда один из постояльцев дома обратился туда с искалеченной задницей — после изнасилований и ударов железным ломом у него лопнула толстая кишка, — никто из эскулапов не удивился. И лишь однажды преподавательница английского, с которой Дима был очень любезен и угощал кофе с коньяком, обратила внимание, как жадно льнут к ней девочки, умоляя остаться на ночь. И тихо спросила: да что у вас здесь происходит? Но ей, конечно, никто не ответил, и ее вопрос растворился в воздухе.

Наташа

Помимо основного действующего лица, самого Дмитрия Карпова, есть в этой истории и героиня. Она входила в ту партию, которую на первых порах воспитатель-энтузиаст Карпов увел из государственного детского дома. Для нее он сделал особенно много: перед тем, как она попала к нему, три медико-педагогические комиссии подряд подтвердили диагноз «олигофрения». Избавиться, педагоги знают, от такого ярлыка почти невозможно. Два месяца он занимался с ней индивидуально, колотя почему зря, чтобы она сдала экзамены за первый и второй классы общеобразовательной школы. Четвертая комиссия признала девочку нормальной.

В будущем она оказалась самой музыкальной из всех. И самой способной — не в науках, впрочем, но по части насилия. Она сама не без гордости рассказывает, что никого в детском доме не боялась, но все боялись ее. У нее был поставленный удар, — занималась кик-боксингом. Плакат с болевыми точками человека знала

наизусть. Когда от Карпова, измученные надругательствами и побоями, сбежали первые два мальчика, именно Наташе было поручено заманить их на дачу и там обоих убить топором (не странно, что именно ей: до этого она под водительством педагога вводила в анусы товарищей по образцовому детдому палку от швабры). К заданию Наташа готовилась прилежно. Разучила, как арпеджио, все движения: заводит руку с наточенным топором за спину, резкий удар влево, потом, по той же дуге, не давая никому опомниться, — вправо (репетируя, она не знала, что поручение убить после исполнения задания ее саму уже получила ее товарка, которую в свою очередь должны были убить). Она-то первая и заложила своего наставника, — все-таки была лучшей ученицей.

Правда, и сама от него натерпелась. Как начал он ее бить при подготовке в третий класс, так и лупил, не переставая, все последующие годы. изнасиловал позже, чем других, в пятнадцать лет, до того, если верить ее показаниям, в воспитательных целях методично отбивал ей почки куском бильярдного кия со свинчаткой внутри; на ночь подвешивал обнаженной за руки к водопроводной трубе; за то, что познакомилась «с парнями», выйдя «за ворота», как выражается она, воспитатель ее «опустил», как выражался он, то есть заставил обслужить всю группу, включая девочек, «в извращенной форме», говоря языком дознания (и, надо думать, в общей камере «Матросской тишины» это словопотребление Карпову скорректировали); но все ж таки научил играть на фортепьяно Бетховена и вставлять в ма-

терную «некультурную», по ее характеристике, речь английские выражения.

«Расколосась» Наташа той самой теле-журналистке, что стояла у истоков небывалой карьеры педагога Карпова: полуторачасовое интервью было записано на видео пленку. Этот рассказ по отвратительности вполне может конкурировать с упомянутой выше кассетой: Наташа произносит перед камерой совершенно чудовищные вещи совершенно бестрепетно, не испытывая видимых угрызений совести, и, что еще чудовищнее, литературно практически правильно. Она даже употребляет иностранные слова, только что до «менталитет» дело не доходит.

Менталитет

По словам Наташи, Карпов держал своих питомцев в абсолютной зависимости и постоянном ужасе. Причем достигал он этого эффекта преимущественно тремя приемами, известными любому растлителю: «брал на жалость» (скажем, одну из воспитанниц совратил, когда ей было четырнадцать, нарисовав картины ее счастливого замужнего будущего и собственной заброшенной старости); повязывал круговой порукой, заставляя участвовать в коллективных оргиях и истязаниях; и постоянно жестоко избивал. Причем, его питомцы и без того от него целиком зависели: ели и пили с его рук, носили купленную им одежду, выходили, «за ворота» никогда не поодиночке и только с его разрешения, и могли бы получить паспорт по достижении 16 лет (главный приз для них) только с его соизволения. Конечно, они пони-

мали, что «работают на него», он так и приговаривал, охаживая их кием, что, мол, «плохо работаете», — в случае, если спонсорских денег набиралось меньше, чем хотелось бы... Короче, описания какого-нибудь Диккенса рядом с наташиными рассказами кажутся колыбельной.

Ей нельзя отказать в отчетливости мышления. Скажем, на вопрос потрясенной журналистки «что же, все-таки, с Димой случилось, он ведь не был таким?» — Наташа спокойно ответила: «Он проиграл». Это дает понять когда, как и почему иссякла его харизма, и воспитание свелось к избиениям и вороватой любви, а воспитанники стали разбегаться. По-видимому, избаловавшемуся первыми успехами Карпову не хватило сил как раз тогда, когда сказочная курочка перестала нести золотые яйца. То есть когда его труднейшее поприще, по сути, и начало только-только перед ним раскрываться. Курочку он, обидевшись, решил попросту придушить...

Маркизом де Садом Карпов был посредственным. Фантазии его не выходили за рамки садизма амбициозного пьяного папаши-самодура и секса, каким он представляется в мечтах младшему комсоставу. В последние год-два он много пил. Был трусоват: той же Наташе велел зарубить на носу, что «коли приедет комиссия» интересоваться, куда подевалась ее девственность (это в детском-то доме в пятнадцать-то лет), то надо говорить: изнасиловали на стороне. И прибавлял: «иначе БОшку оторву». Какой комиссии он ждал, интересно? Никакие комиссии сюда отродясь не наезжали.

Утраченная норма

Выходит за рамки лишь та самая история, зафиксированная на пресловутой кассете. Здесь Карпов поднялся над самим собой, здесь — вдохновение. Неважно, как заманил он в подвал этих двоих мужчин (это, впрочем, в деталях известно). Главное, что они оказались в его руках. И вот, представьте себе: он вкладывает своей музыкальной ученице в руку металлическую палку, свой женский гарем сажает в партер, а «мальчишки» в это время управляют с видеокамерой. А сам, чтобы двигались поживее, сует время от времени то одному, то другому истязаемому в рот дуло обреза (так-то обрез и всплыл для следствия). Кажется, эта кровавая оргия и стала апофеозом: подросшие его питомцы вдруг по-настоящему испугались. И посмотрели на него по-новому: он перестал быть самозабвенным Димой со светящимися глазами. Теперь он был чудовищем, страшущимся возмездия и потому всегда и всем жалко лгущим. Жалкость харизматику не прощается.

Есть некая загадка, почему садисты так любят фиксировать свои развлечения на пленку: чем криминальнее, тем скрупулезнее? Ведь они собственными руками пекут против себя улики. Отчасти, чтобы жертвы молчали (тех двоих нашло следствие, но, выбравшись некогда полуживыми из детсадовского подвала, они категорически отказались фигурировать в деле в качестве потерпевших). Но есть, кажется, и еще объяснение: подобно тому, как нормальные люди фотографируют на память самые важные события жизни — свадьбу, например,

Карпов снимал — эту сцену. Ведь у Карпова другой «свадьбы» не было. И, наверное, уже не будет.

Наташа проговорила неспроста: она сбежала от Карпова еще до его ареста, не выполнив смертельный урок, и опасалась мести, — в том, что Карпов ее убьет, если поймает, у нее особых сомнений не было. Собственно, оказалось, что именно она и «посадила» его, человека, который некогда спас ее от неминуемого пожизненного инвалидного дома. Если не от сумасшедшего. Ирония судьбы, сказал бы режиссер Рязанов.

Оснований не доверять ее исповеди, вообще говоря, нет. Если сравнивать две пленки — ту, где Наташа рассказывает, и ту, на которой она истязает, — то бросается в глаза, что на обеих она вполне искренна. Только на первой она — жертва, на второй — палач (в ушах стоит ее сладострастный крик «на колени, сука!» и звук удара металла о человеческую плоть). Как говаривал Митя Карамазов: «широк человек, я бы сузил». Заставляет ей верить и яркость деталей, — чтобы такое выдумать, надо обладать де-садовской фантазией. Просто, желая предстать в лучшем свете, она переставляет акценты. Скажем, есть в ее рассказах один момент: однажды Карпов наказал ее за то, что она хвасталась перед товарищами, какая она «лихая наездница». Это странно звучит из уст насилуемой жертвы — она имела в виду любимую сексуальную позу своего наставника.

Впрочем, существенно другое: полнейшее отсутствие во всей этой истории — с начала и до конца — намека на *норму*, как ни понимай это слово, в социологическом, юридическом, поведенческом или моральном смысле. Разумеется, говорить о самом Карпове в кате-

горяих *нормы* неуместно. Тем более, что на нынешний день психиатрическая экспертиза признала его невменяемым, и суду остается лишь признать его виновным и направить на принудительное лечение. Быть может, этот вердикт инспирирован кем-то, кто опасается показаний вменяемого Карпова. Но даже если бы десять лет назад Карпова признал бы нормальным весь институт Сербского хором, нельзя было бы не заметить, что уже тогда была в его личности некая «трещина характера». Тем более бессмысленно говорить о нормальности его воспитанников, которых ненормальные обстоятельства рождения поставили с младенчества в ненормальные условия последующей жизни.

Но и журналисты, подменяющие профессионализм гроша не стоящим разоблачительным пафосом и дешевой умильностью, и «новые русские», которые делали с Карповым, директором детского дома, какие-то неясные гешефты, и экзальтированная меценатка из Франции, не удосуживающаяся узнать, куда и на что идут ее тысячи долларов, и начальники, что потакали Карпову, не желая контролировать, — все вели себя ненормально. Представляются нормальными в этой истории разве что те самые затурканные демократической гласностью детдомовские тетечки, пусть недалекие, пусть вороватые, но ведь почувствовавшие же неладное — с помощью женской интуиции и долгого опыта своей нелегкой работы — в самом начале карьеры педагога Димы Карпова.

Мы привыкли, что норма, мещанская, срединная, неартистичная, скучная, как крыжовник, — вещь самая устойчивая на свете, вроде застывшего маятника. Но,

кажется, урок всей этой истории как раз в том, что *норма* — вещь необычайно хрупкая и редко встречающаяся. И количество этой самой дефицитной *нормы* в нашей жизни неуклонно сокращается. Музыкальные наташи с обрезком трубы в руках живут среди нас, и их становится все больше. В конце интервью она, показывая искаленную руку (в какой-то момент, чтобы избежать очередного наказания, она сама отрубила себе палец) пожаловалась, что музыкантшей ей уж не стать. «А как ты видишь свое будущее?» — «Замуж выйду». — «Хочешь иметь детей?» — «Нет, они мне будут напоминать детский дом». — «Кем ты хочешь стать?» — «Со зверями хочу работать. В цирке». Можно сострадать ее судьбе. Но если мечты ее сбудутся, то нельзя заранее не сострадать и хоть морскому ежу, коли тот попадет ей на воспитание.

ГОРОД У ОЗЕРА

Время возникновения города Осташкова точно не известно. Но уже в середине XVI в. здесь были свои воеводы. В 1775 году Осташков возведен в степень города и приписан Тверскому наместничеству. Тогда же Екатерина Великая утвердила герб города — двуглавый орел на золотом фоне, под ним три серебряных ерша на синем. У Брокгауза и Ефрона читаем: «Климат сырой, холодный и нездоровый... Однако общественная жизнь в Осташкове сравнительно высоко развита: многие общественные заведения учреждения основаны здесь ранее, чем в каком-нибудь другом уездном

городе России... Значительная часть города вымощена еще в 1830 г.».

«Знаете, что меня всего более поразило в наружности города? Бедность... Это вовсе не та грязная, нищенская, свинская бедность которою большей частью отличаются наши уездные города,— бедность, наводящая на вас тоску и уныние и отзывающаяся черным хлебом и тараканами; эта бедность какая-то особенная, подрумяненная бедность, похожая на нищего в новом жилете и напоминающая вам отлично вычищенный сапог с дырой». Так меланхолически писал в 1862-м В. А. Слепцов в своих «Письмах об Осташкове», опубликованным в некрасовском «Современнике». Тогда здесь был театр и библиотека, извозчики читали Дюма, а кузнецы хором распевали гимны. Сегодня тоже пишут об Осташкове, как о культурном городе. Прежде всего о музыкальных летних «Селигерских вечерах». О восстановлении Ниловой пустыни. О пирамиде из стеклопластика, что по идее энтузиастов должна в лучшую сторону влиять на окрестных жителей и экологию, впрочем, пить в ближайшем селе Хитин, увы, пока меньше не стали.

Прибытие

Слепцов в первом же своем «письме» жалуется, что гостиниц в городе нет. И сегодня единственная в городе гостиница «Селигер» уже три года как бездействует. Вернее, изредка действует, как удалось выяснить отнюдь не сразу. Часть номеров сдают-таки в летнее время, в «сезон», как называют здесь период от сере-

дины мая до первых чисел августа, когда на озере заканчивается навигация,— но в номерах нет горячей воды, а ресторан при гостинице давно закрыт: коммуникации пришли в полную негодность. Здесь тонкость нашего времени: эту муниципальную гостиницу власти давным-давно продали каким-то предпринимателям, те — то ли перепродали, то ли проиграли в карты, так что нынешняя ее принадлежность туманна. Этот пятиэтажный барак в брежневском стиле с бетонным козырьком над широким ступенчатым крыльцом некогда кокетливо отливал голубенькой краской, подмигивал розовыми занавесками, а нынче донельзя обшарпался, весь в ржавым потеках, будто на него сверху вылили очень большой ушат помоев. Заметим, так выглядит абсолютное большинство осташковских строений за исключением разве что здания «Сбербанка».

Представьте: день клонится к ранним потемкам, вьется первая поземка, порывами налетает ветер, вы стоите перед запертой гостиницей, в которой уповали принять горячий душ, и податься вам ровным счетом некуда. Попытки вступить в контакт с местными обывателями то и дело кончаются неудачей: прохожие пугаются, норовят прянуть в сторону, но уразумев, что ты не просишь у них денег, принимаются мучительно искать ответ на твои расспросы. Более всего замечательны на их лицах отражения попыток совершить мыслительное топографическое усилие, как правило, заканчивающегося поражением. Впрочем, рано или поздно какая-то баба в драной дохе напоминает, что «есть комнаты на автовокзале».

Передвижения

Поземка тем временем превращается натурально в метель, мороз под двадцать, дело к пяти, и, озираясь по сторонам в поисках хоть такси, которых здесь, конечно же, не заведено, вы замечаете невероятную картину: из всех углов в валенках с галошами, телогрейках и ушанках едут по снежным мостовым служилые, верно, люди, — на велосипедах. Некоторые велосипеды оборудованы продуктовыми кошелками спереди у руля, у других к раме подвязаны какие-то жерди. Судя по тому, как одеты эти граждане, можно решить, что на днях здесь распустили средних размеров зону.

Прямо перед гостиницей — остановка автобуса, на которой столпилось уж полсотни человек. Ясно, что автобус на улицах города — редкость. Мне везет, мрачное лицо кавказской национальности соглашается подбросить меня за червонец на автостанцию. Некогда, в веселые советские времена на площади перед автовокзалом дожидалась ездовых гурьба извозчиков со своими жигулями, туда-сюда сновали автобусы местных линий, а за вокзалом чинно пыхали дизелями икарусы. Нынче все как вымерло. Площадь с торчащей посреди голой клумбы скульптурой Константина Заслонова пуста, в самом помещении обшмыганного холодного вокзала по лавкам сидят темные бабы, замотанные в платки, мужики в тулупах, закутанные дети на мешках. Ясно, что ждут они долго и знают, что придется ждать еще дольше. Так в кино показывают бытовые картины гражданской войны или эвакуации.

При одном взгляде на расписание многое проясняется. Во многие концы района автобусы больше не ходят вовсе, и добраться теперь, скажем, до Пено, места населенного и летом туристического, — невесть как. То же и с дальним сообщением: в Москву автобусов больше нет, в областной центр Тверь — по два в день с остановками только в двух райцентрах. Это означает, что во многие деревни по трассе Осташков-Тверь попасть общественным транспортом невозможно. К тому ж, виден плакат для автомобилистов, гласящий, что в соседнем районе обвалился мост, и, если знать, что на другой берег Волги там одна-единственная дорога, можно вздрогнуть при мысли, что ждет обитателей правого берега этой зимой.

Чтобы покончить с транспортной темой скажем, что и личный автопарк в городе не богат. Правда, время от времени из метели выскакивают «волво» и «саабы», что выглядит диковато на здешнем городском фоне. Впрочем, заметим для объективности, что здесь хороши дороги, которые, правда, не чистят, но не скупясь посыпают солью с песком, в изобилии бензин, много лавок с запчастями и две азербайджанские станции автосервиса. Вот только пользоваться этими благами могут позволить себе немногие: у большинства в городе денег, как и повсюду в России, сегодня нет.

Здесь процитируем местную газету «Селигер»: «Несмотря на сложнейшее время, на отсутствие бюджетных средств на глазах преображается город... Толстым слоем асфальта на днях покрыт переулок Советский... Если с такой быстротой будет наш город хорошеть и дальше, то через несколько лет мы его просто не

узнаем». Впрочем, узнать Осташков нельзя уже сегодня. И, забегаая вперед, поясним, что эта правоверная интонация для местной газеты неизбежна: издание состоит на содержании мэрии.

Постоялый двор

В дальнем крыле автовокзала на втором этаже действительно удается разыскать несколько комнат для приезжих, необжитых и нетопленых и глядящих на пустые железнодорожные пути. О горячей воде здесь слыхом не слыхивали. Хозяйка в перехваченном на груди крест накрест пуховом платке лишней раз подтвердила, что иного постоя в городе нет, но, кряхтя, выкопала по моей просьбе откуда-то измусоленную брошюрку — здешний телефонный справочник. На авось я набрал-таки номер умершей гостиницы, и к моему изумлению мне ответили (позже выяснилось, что этот номер был переброшен в соседнюю коммерческую палатку заодно с одной из бывших ресторанных официанток). И тут я узнал невероятное: у гостиницы «Селигер» есть-таки *филиал* — на «гребной базе». На мой вопрос, как туда добраться, разочарованная хозяйка подтвердила, противореча сама себе, что действительно филиал есть *где-то за Гагарина*: ей явно было досадно терять постояльца. Я не стал подобно Чичикову укорять ее: мол, знала, да не сказала, — она бы подобно Селифану ответила бы: так уж получилось у нас с вами, барин, знала да не сказала...

«Гребная база» оказалась двумя деревянными оштукатуренными хоромами в конце одной из самых ста-

рых осташковских улиц — Евстафьевской, на берегу озера. Водитель старого рафика, нанятый за тот же червонец, высадил меня перед железными решетчатыми воротами, наглухо запертыми. В глубине двора светил сквозь пургу фонарь. Я нашел кнопку звонка. Из-за угла с лаем выскочили две здоровенные овчарки, за ними не сразу показался мужик в валенках, телогрейке, шапке, с рыжей бородой, но без велосипеда. Он, осведомившись о моей нужде, отпер калитку, прихватив за ошейник рвущуюся кровожадно к моим штанам серую с рыжим подпалом суку, и махнул рукой — туда, мол. В доме слева на обитой изнутри вагонкой веранде горел свет. Я постучал.

Встретила меня гренадерских размеров женщина в спортивных штанах и майке — на веранде было даже жарко. Другая, пониже ростом, в юбке, тут же лепила пельмени. Обе, выяснив, что мне надо и кто я, стали само радушие. Гренадерша пошла показывать апартаменты: здесь вот один «люкс», две спальни, гостиная, джакузи, три цветных телевизора, а здесь второй. Здесь сауна. «Но вам-то одному люкс не нужен, так у нас есть и еще два номера подешевле, за бильярдной». Она накинула шубу на мощные плечи, мы пересекли двор и вошли во второе деревянное строение. Комната, что мне показали, была мала, но уютна, тоже с телевизором, но черно-белым. «Душ, я скажу истопнику, что б сейчас вам согрел. А потом — милости просим на пельмени». Я поблагодарил, сообразив, что и водочка припасена у меня в багаже...

Проснувшись, я вспомнил, что за дивный сон мне снился: сказочный какой-то постоялый двор, староре-

жимный истопник с рыжей бородой лопатой, милейшие хозяйки, пельмени, байки... Сквозь занавесь на окне низко било солнце, я отдернул ее. Снегопад стих. Прямо передо мной темнела вода не замершего еще озерного затона, на берегу вверх истертыми днищами одна на другой лежали старые лодки. Напротив — из плотно пригнанных стоймя темных сырых досок забор, переходящий в стену сарая, и стена эта уходила в воду. И прямо в воду же отворялась в этой стене дверца, — российская Венеция. За забором дом под шифером, косо направо виднелись голая береза и кусок улицы с такими же коренастыми домами за такими же глухими оградами. Слева плыл от берега кургузый пароход. Декорация к Островскому да и только. Я припомнил, о чем вчера говорил с хозяйками.

Разговоры

Гренадерша, беженка из Казахстана, была сурова и справедлива: в городе уголовный беспредел, милиция куплена, безработная молодежь — наркоманы и отморозки. У кого есть работа? Только у тех, кто на военных заводах, на «Луче» или на «Звезде», что на острове Горомля, немецкие пленные строили, видишь — туда от нас корабли и ходят, везут горючее. Ну, на скотобойне в Америке иногда платят, это район такой. На кожевенном заводе было занято 6000 человек, при том, что в городе живет 26000, две трети сократили, остальные не получают зарплату больше года.

— Мой муж год и два месяца не получает, — уточнила вторая, по имени, как оказалось, Надежда. Она

оказалась здешней поварихой и прачкой: она весь вечер так и продолжала стоя лепить свои пельмени. — Осенью поехал на велосипеде за тридцать километров клюкву собирать. Пока был на болоте, велосипед из кустов украли. Шел домой пешком с двадцати килограммовым мешком. А на базаре перекупщики ему только сто рублей дали. Приходит домой и говорит: давай я лучше уйду от вас, а у нас двое сыновей школьников, не могу я больше так, без зарплаты. И плачет...

— Кто главный в городе? — спрашиваю хозяйку. Азербайджанские бандиты. Недавно вот свои же убили авторитета Махмуда. Такой красавец был, и какой справедливый; если у бабки на базаре кошелек украдут, то в милицию она и не подумает обратиться, а бухнется на колени перед Махмудом, он найдет и вернет. А сейчас из лагеря вернулся его брат Максуд, ищет, кто убил, пойдут разборки. Армяне же держат только один маленький рынок, ресторан, несколько магазинов. Есть ли свои, русские, бандиты? Сколько угодно, но эти не организованы: сами по себе грабят по дорогам и в городе, насилуют. А воруют все, но больше по мелочи, заготовки да картошку у соседа из погреба...

Прежде, в слепцовские времена, Осташков славился раками, снетком и маринованными налимами. В наши дни раков, как и налимов, сделалось мало, им нужна чистая вода, зато далеко за пределами окрестностей гуляет слух о невероятном обилии в озере угрей. Отчасти это соответствует действительности: угорь ходит косяком в озерных глубинах, прижившись здесь и сделавшись пресноводным. Как это у него вышло, равно как и история того, кто и зачем некогда запустил в

здешние воды малька этой змеевидной рыбы, нам неведомо. Частные браконьеры всю ловят его на переметы, официальные — сетями.

— Есть ли рыба, и как попробовать копченого угря? — спрашиваю. Хозяйка поясняет, что рыбзавод давно приватизирован городской головой, мэром нынешнему, рыболовецкая артель гребет в озере неводом все подряд, даже мелюзгу судака, что, конечно же, варварство и тот же беспредел, но милиция ловит только частников, да изредка пьяных на улице, за остальное заплачено. Куда девают рыбу? Скорее всего везут в Тверь. Что с угрем? Замораживают и отправляют коптить аж в Прибалтику. Здесь он даже в ресторанах теперь не водится, только на рынке у частников из-под полы. Где пообедать в городе? Да хоть в кафе «Каменная стена», в старой тюрьме — ее теперь закрыли на ремонт за ветхостью и, кажется, сделают-таки гостиницу для богатых: ведь для них даже переоборудовать ничего не надо, с радостью будут платить по сто баксов, чтобы переночевать с бабой на нарах и при параше. Хозяйка смеется, прикрывая рукой золотой рот.

Нас прервал телефонный звонок. Ответ хозяйки насторожил меня: есть тут у нас один москвич, так я у него спрошу. И, положив трубку: девочка хорошенькая, длинноногая, четырнадцать лет, школьница, умница, о стихах умеет говорить, отец пьет, мать челночит, ну, она и подрабатывает, говорит — возьму недорого, сто рублей, только чтоб не дрался.

Я вежливо отказался и сообразил, что попал не иначе, как в милый домашний комфортабельный притон. Читая мои мысли, хозяйка пояснила:

— Да к нам часто крутые аж из Москвы в люксы приезжают: у нас и пляж, и водные лыжи. Ну и заказывают девчонок, конечно. А в тех комнатах, где вы, там у них шоферы живут, охрана...

В тот же второй день пребывания я пошел в редакцию местной газеты. Я брел по улицам Володарского, в слепцовские времена бывшую Каменной, по Урицкого и Луначарского, пока не вышел-таки на Рабочую. Центральные улицы оставляли впечатление вчерашней бомбежки: многие дома стояли с проломленными крышами, с забытыми ржавым железом окнами. То и дело мне попадались люди, везущие на санках молочные фляги с водой, а то и просто с ведрами: многие колонки не работают, и народ тянется за несколько кварталов — «на чужие». Во всех дворах — большие поляны. Магистрального газа здесь тоже нет, только в пятиэтажках на окраинах, но, поговаривают, этой зимой газа вообще не будет, и власти призывают экономить, не опаливаться газом из баллонов. Уголь дорог, топят везде только дровами, как и было это всегда с основания города.

На Рабочей улице помимо редакции есть городская библиотека и городской сквер, вокруг которого там и сям торчали некогда на балясинах серебряные ерши, взятые с герба Осташкова; потом их заменили красными звездами, нынче не видно ни того ни другого. Однако старенькое здание театра, о котором писал еще Слепцов, где никогда не было профессиональной труппы, выжило, как и изваяния революционных красноармейцев, как и побитая девушка, держащая обломанное весло, как и Ленин, конечно. Кстати, помимо изваяний в

городе попадаются и монументальные ленинские портреты.

Редактор «Селигера» Алла Логинова изложила мне взгляд на местную жизнь несколько отличный от взгляда хозяйки моего постоянного двора. Основной проблемой города она считает уборку мусора: муниципальные службы работают хорошо, но граждане валят свой мусор в любое время и где ни попадя. «Сейчас не так видно, снежком припорошило». Преступности не стало больше, правда, бывают уже и заказные убийства, взорвали недавно автомобиль прямо в центре города, — мне почудилась в ее голосе затаенная гордость патриота. Межнациональные отношения ровные, хотя на Верхневолжье одних азербайджанцев 20 000, не говоря об армянах, чеченцах, цыганах. Почему стоят повсюду заброшенные дома? Так ведь они все объявлены памятниками архитектуры, продать нельзя, сдать в аренду нельзя, у самого же города денег на реконструкцию, конечно же, нет. Оживилась г-жа редактор, лишь когда разговор зашел о кожевенном заводе: самый большой в Европе. Правда, стоит, раньше сырье покупали аж в Аргентине, в Индии, теперь сырья нет. Что поделывает молодежь? Молодежь хорошая, учится в ПТУ, в четырех здешних техникумах. А те, кто не учится? Торгуют, посредничают, очень интересные есть ребята...

Короче, «день ото дня хорошеет наш город».

Торговля и досуг

Кстати, о торговле. На задах покинутой гостиницы что ни день — базар. Другой рынок, побольше, откры-

вается по выходным на старой Тимофеевской улице. И здесь, и там «обжорные ряды», как говаривали в старину, довольно убоги: мясо не ахти какое на вид, творожок, сметанка. Очереди и там и здесь стоят лишь за одним видом продовольствия — за сахарным песком. В той же местной газете я прочитал, что на зиму хватит масла и муки, а вот сахар администрация пытается достать по бартеру, обменяв на юге на лес.

Основные торговые базарные площади занимают торговцы всяческим барахлом. Здесь есть финские ботинки и итальянские сапоги, привезенные из Турции и Китая. Впрочем, по сходной цене можно купить и шерстяные носки, и валенки — местного, будем надеяться, промысла. Ну да это картина знакомая, удивляет другое. В базарный день большой рынок по периметру буквально обставлен автомобилями. И прут пешие толпы — многие с санками. И это при бьющей в глаза здешней нужде. Что ж, в России есть, наверное, не только двойной стандарт богатства, когда банкиры одной рукой отправляют миллиарды в офшорные зоны, а другой просят на бедность у правительства. Есть и двойной стандарт нищеты, когда днем бродяги побираются на паперти, а вечером закусывают «Смирнофф» финской колбасой... Пока я бродил по рядам одна из торговок, приглядевшись, видно, к моему пальто, поманила рукой: — Угорька не хотите? — Я хотел. Из-под прилавка был извлечен промасленный деревянный лоток с рыбой. Я отобрал пару штук по сто рублей за голову и завернул их в приобретенный рядом пластиковый пакет для мусора, отметив попутно, что такие пакеты здесь продают не рулонами, но поштучно.

Государственная торговля сведена почти на нет. Тут и там открыты маленькие продуктовые магазинчики, носящие гордые названия: «Грант», «Русь», «Галант». В них — по полтора десятка наименований водки, импортная ветчина в вакуумной упаковке и дохловатые апельсины: ни киви, ни авакадо в Осташкове, кажется, не признают. Сквозь предвечернюю мглу разноцветно светятся и играют многочисленные ларьки, названные как на подбор: «Ольга», «Светлана», «Елена». И если магазинчики держат зачастую местные, то ларьковый бизнес в закавказских руках, откуда и названия: армяне ласковы и сентиментальны.

Купить, в общем-то, можно все — правда, низкого качества. В центральном универмаге, скажем, невероятный выбор косметики, одних мужских одеколонов под сто марок, причем среди них — известнейшие, но цены раза в четыре ниже московских, и где их разливали можно догадываться. В книжном вперемежку с «Бешеным» — Гейне и Гете. Даже в аптеках есть минимальный набор лекарств.

В городе действуют несколько питейных точек и один дансинг — он буквально так и называется, причем по-английски, — при клубе той же кожевенной фабрики. Кроме упомянутого молодежного кафе в тюрьме — с баром и бильярдом, есть закусочная «Нептун», бистро «Хоттабыч» и ресторан кавказской кухни «Ашет». По моим наблюдениям, заведения эти, весьма по здешним меркам дорогие, по большей части пустуют. Хотя тюремный бильярд не простаивает. Есть и единственный кинотеатр, где в дни моего пребывания уже третью неделю длилась «неделя индийского кино». Так что оста-

шам скучать не приходится, развлечений здесь никак не меньше, чем в других российских углах. Да и то сказать, под вечер в пятницу на потемнелых улицах я не встретил ни единого трезвого человека. Страшней всего выглядели пьяные женщины неопределенного возраста с изможденными лицами, о которых можно было бы сказать «иконописными», кабы не были они невероятно испитыми.

Храм

Единственным отрадным от этого путешествия осталось воспоминание о посещении Ниловой пустыни. Вот что было здесь во времена Слепцова: 7 каменных церквей и 25 каменных зданий, в которых гостиница для богомольцев, два конных двора, три хлебных амбара, три бани, ремесленный корпус, квасоварня с солодовнею. Здесь варили отменное монастырское пиво, и пять раз в год здесь проходила «питейная выставка». Короче, это был один из славнейших русских монастырей. После его разорения в 30-ые здесь разместили детскую колонию, и есть сведения, что за провинности заключенным назначали наряд — соскребать из-под купола и со стен древние фрески.

Теперь монастырь возвращен церкви. Наместником поставлен 84-летний отец Вассиан, известный в городе, — он служил в единственном храме в бывшем Знаменском женском монастыре, на территории которого давно устроен своего рода «шанхай», официально называемый «рабочий поселок». В Ниловой сегодня живет десять братьев. Обитель — на острове Столобен-

ском, туда ведет живописная дорога, вьющаяся сквозь сосновый бор. Она ныряет в какой-то овраг, выныривает в каком-то селе, огибает его по околице, и, не заметив как, вы въезжаете на узкий мост и взбираетесь круто вверх, оказываясь вдруг под монастырскими стенами. Вокруг на соседних островах виднеются и сям и там запорошенные снегом деревеньки, а монастырь вознесен над озером. Заливчики и заводи уж заморозило, хотя вода на самом озере еще чистая, и в затоне видна одинокая фигура рыбака. Пейзаж самый умиротворяющий. Осматривая монастырские постройки, мощный собор, вызывающий в памяти Исакий, высокую колокольню со шпилем, огромные каменные блоки в основаниях монастырских стен, которые не смогли сдвинуть с места никакие потрясения, невольно думаешь о подвиге тех поколений, что невероятным трудом создали все это. И о том, куда эта созидательная мощь народа испарилась.

В соборе, единственном пока отреставрированном здании, где внутри для службы восстановлен лишь один боковой придел, вас встречает объявление: «На колокольне просят вас громко не разговаривать, не бегать по лестнице, не трогать колокола и не бросать мусор». Послушники в подрясниках, а кое-кто просто в свитерах и джинсах, заняты неутомимым муравьиным трудом: все что-то куда-то несут, колют, прибивают, прилаживают. О том, что им предстоит совершить, дают представления огромные каменные оскверненные и загрязненные монастырские постройки. И это святое и трагическое место, в котором нашлись люди, имеющие дух противостоять своими слабыми силами окружающей

разрухе, — кажется оплотом последней нашей надежды.

БЫЛИ...

На Троекуровском кладбище среди гранитных обелисков с выбитыми золотом именами генералов, доживших до почтенных седин, двойная могила — мужа и жены. Она умерла ровно год назад, он пережил ее на девять месяцев. На могиле пока нет памятника, лишь в грудях свежих цветов большие фотографии двух красивых молодых людей: ее — черно-белая, его — цветная. Ей не было сорока, ему — сорок шесть. Это была одна из самых блестящих пар артистической Москвы — актриса Елена Майорова и художник Сергей Шерстюк.

В театре узнали о ее смерти, когда она была еще жива.

Позвонили из милиции: милиционеры, что ни случись, оказываются на месте раньше медиков.

Осталось неясно, кто милицию вызвал. По-видимому, кто-то из соседей: пока она бежала по лестнице вниз, к выходу из подъезда, ее крики были слышны в каждой квартире.

Милиционер прибыл по адресу, поднялся на шестой этаж — одна из дверей открыта. Квартира пуста. На кухне, на столе, рядом с вазой с фруктами и пустой рюмкой, — паспорт гражданки СССР.

На лестничной площадке осталось множество горелых следов, как если бы здесь волокли рулон тлеющего рубероида. Идя по этим следам, милиционер пересек двор и пришел к служебному входу одного из московских театров. Это был не ее театр, но она забежала именно сюда. Она лежала на кафельном полу у поста вахтера, до нее боялись дотронуться: вечернее шелковое платье расплавилось и намертво сковало ее длинное худое тело.

Милиционер, держа паспорт в руке, наклонился к ней: вы такая-то? Она на секунду приоткрыла глаза: да. И опять потеряла сознание. На репетицию шли актеры. Двое из них ее опознали: да, она самая, прима главного театра страны, недавно вместе снимались в одном фильме... Прибывшая, наконец, «скорая» увезла ее в Склифосовского. Она умерла в больнице, не приходя в сознание, в семь тридцать вечера.

Его версия

У криминалистов не оставалось сомнений — самоубийство через самосожжение. Так сказано во врачебном заключении, так был оформлен и милицейский протокол. В этом не сомневались и все, кто знал ее, кроме, быть может, одной из подруг. Начисто отрицал возможность самоубийства только муж-художник, любивший ее без памяти: ему удалось довести до Московской патриархии свою версию и убедить дать разрешение отпеть ее по православному обряду.

За два дня до трагедии, в четверг вечером, у него в мастерской они принимали режиссера и драматурга,

предложивших ей роль в новой пьесе из жизни богемы. Там, как ни странно, была роль и для него: он должен был, по замыслу автора, стоять все время действия молча спиной к публике и писать картину. Обоим идея показалась забавной: и ее роль неплоха, и ему азартно поработать на людях. Кроме того, не каждый день предлагают проект, в котором можно участвовать вдвоем, не расставаясь.

В пятницу супруги были на званом ужине. Она надела то самое платье, в котором погибла, — длинное вечернее платье, которое он привез ей недавно из Нью-Йорка и которое очень шло ей. В гостях она пила немного, была весела, чуть возбуждена, но и только.

В субботу он проснулся рано утром, она еще спала. Они собирались пораньше уехать на дачу, но сквозь сон она пробормотала: «Я побуду дома». Он уехал один.

Около полудня к ней в гости заглянул пасынок, его сын от первого брака, и она угостила юношу мороженым. Потом тот вспомнит: на столе на кухне стояла бутылка водки, пустая на две трети. Впрочем, юноше мачеха не показалась пьяной, так, навеселе, а бутылка могла быть почата и не сегодня.

Он пробыл у нее недолго. Около двух она заглянула к соседям по лестничной клетке. «Что-то у меня крыша едет», сказала со смутной улыбкой. Ей посоветовали прилечь отдохнуть. По-видимому, она не воспользовалась этим добрым рецептом, потому что около четырех на лестнице раздался крик: «Помогите!». В пылающем платье она выбежала из подъезда, пересекла двор. Она звала на помощь мужа.

Откуда, спросил его следователь, в квартире оказался керосин, которым она облила себя, уж не заготовила ли она его загодя за батареей на лестнице? Он отвечает: декоративный светильник, стилизованный под крестьянскую керосиновую лампу, она привезла из гастролей по Испании — «украсить кухню». В светильнике должно было использоваться особое масло, но его она купить не сообразила, а в Москве не достать. Он, живописец, для мытья кистей использовал не разбавитель, но обычный керосин: разбавитель не покупал не из экономии — в последние годы его картины покупали нарасхват, и супруги жили широко, — привычка осталась от ранних богемных лет. Чтобы заправить светильник, он принес по ее просьбе из мастерской керосина в трехсотграммовой бутылочке из-под пепси-колы, но дальше этого дело не пошло, и о светильнике оба забыли.

Почему утром на ней оказалось вечернее шелковое платье? Проснувшись, надела первое, что было под рукой.

По его версии, она вышла на лестничную клетку, чтобы заправить светильник. Так, в отличие от многих мужчин, действительно поступила бы в подобном случае почти всякая женщина: стала бы переливать вонючий керосин на лестничной площадке, а не на кухне. Зачем ей жарким летним днем понадобилась керосиновая лампа? Да какие только фантазии не приходят в прострации безделья: вдруг вспоминается оторванная пуговица на рубашке, которую почти никогда не носишь...

По версии мужа, здесь же, на площадке, она решила и испытать осветительный прибор: не заметив, что керосин плеснул на платье, чиркнула зажигалкой...

На лестнице милиция действительно обнаружила пустую бутылочку из-под пепси, пахнущую керосином. И зажигалку. Вот только не было на лестнице лампы. Лампы вообще нигде не было.

Впрочем, позже, через несколько месяцев, он скажет: «Она не ходила на репетиции, находилась в жутком состоянии. Два дня это продолжалось. Я почувствовал что-то ненормальное, но слишком поздно сообразил, что происходит чума».

Здесь он противоречил сам себе. Но его можно понять.

Ее сказка

Через неделю она должна была выйти на сцену МХАТа, вступавшего в свой сотый сезон, в роли Маши в чеховских «Трех сестрах», поставленных Олегом Ефремовым, — роли для нее премьерной, восторженно отмеченной критиками. Это был пик ее карьеры, шла она к нему через множество ролей в кино и театре — удачных и не очень, работая с малоизвестными режиссерами и со знаменитыми, такими, как Валерий Фокин, Кама Гинкас, Петер Штайн, — шла с фантастическим упорством...

Она родилась на Сахалине.

С отрочества она была хороша собой, но сомнительно, чтобы в ней, ростом с баскетболистку второй линии, эту «чеховскую» красоту видели сахалинские

мальчики, с которыми она оканчивала среднюю школу. Она была неправдоподобно худа, но на Сахалине в середине 70-х в барачном рабочем поселке, надо полагать, не знали, что такая худоба в моде.

Она была одарена. Но, как полагается в актерских биографиях, скроенных по лекалу «Гадкого утенка», провалилась в столице повсюду, куда поступала учиться «на актрису». Год проработала «по лимиту» на московской стройке: респиратор, стекловата, проволока, цемент, битум. Вскоре, как положено, нашелся-таки добрый гений и открыл ей дорогу на сцену: в ее случае им оказался Олег Табаков.

Дальше ей сказочно везло: после института приняли в труппу МХАТа — еще в студенческую пору она сыграла на Малой сцене главную роль в «Вагончике» — и дали комнатку в общежитии в центре Москвы, в подвальчике рядом с особняком, принадлежавшим некогда Станиславскому. Конечно, не апартаменты, но и не общага строительного ПТУ. После восьмого класса, оказавшись впервые в столице в группе сахалинских школьников, она поклялась себе, что вернется сюда, будет жить недалеко от Кремля. Теперь и вправду было недалеко — квартала четыре.

Олимпийская воля к победе сочеталась в ней с чувствительностью, ранимостью вплоть до некоторой болезненности и своего рода отчаянности. Она способна была бесшабашно рисковать, идя во всем до конца: скажем, упрямо не пристегивалась ремнями безопасности на каком-нибудь головокружительном аттракционе. Она бывала влюбчива — и влюблялась наотмашь. Ее товарки по общежитию МХАТа рассказывали, что когда

у нее был бурный роман с женатым актером из их же труппы, по амплуа — героем-любовником, встречались они у нее в комнате; когда возлюбленный уходил, она принималась плакать и могла проплакать дня три подряд, пока он не объявлялся вновь. Впрочем, женщины не дадут соврать: немало в этом было от того же упорства.

В завершение сказочного сюжета — как женщина она оказалась оценена и вознаграждена. Через три года сидения в общежитии, как сказали бы прежде, составила блестящую партию. Ее мужем стал некогда фрондировавший художник, к моменту встречи с ней стоявший на пороге если не богатства, то во всяком случае полного достатка. Он разошелся с женой-художницей ради этой девочки с задворок империи, дочери работницы мясо-молочного комбината. Она поселилась в большой квартире на улице Горького, рядом с площадью Маяковского, в ее распоряжении оказался загородный дом, потому что муж был не просто удачливым живописцем, но и в придачу сыном высокопоставленного генерала ракетных войск. У нее сразу прибавилось знакомых, до сих пор она варилась в актерской среде.

В кругу дам в таких случаях говорят: «У нее все было». И судачат: «Чего ей не хватало?»... Но это риторика: всем известно, что всегда чего-нибудь да не хватает. Чаще всего главного.

Его уроки

С самого начала он показался ей рубахой-парнем, широким и щедрым, окруженным такими же безала-

берными друзьями, — и невероятно талантливым. Позже она поняла, что расхристанность его — внешняя, сочетающаяся с недюжинной образованностью, чем она сама никак не могла похвастаться, и к тому же с практичностью, даром менеджмента, способностью удачно пристроить собственную художественную продукцию. Вряд ли ее смущало, что снобы числили его творчество по разряду кича. Один из его натюрмортов она почитала семейным талисманом — на нем была изображена, метра полтора на полтора, тронутая тленом исполинская головка чеснока. Она горевала, когда муж не удержался от выгодного предложения и картину продал. «Напишу тебе другую», — утешал, но сдержать обещания не успел.

Чего она, скорее всего, понимать не могла, так это того, сколько в нем было типичного для советского номенклатурного отпрыска, к тому ж воспитанного в военной среде. Помимо генетической крестьянской сметки, свойственной и ей самой, была в нем своего рода упадочность, какую порождает слишком скорый социальный рост, своего рода кессонная болезнь чрезмерно быстрого всплывания на поверхность. Это декадентство, доморощенное лотреамонство, так сказать, сказывалось в нем особенно сильно в молодости — в тяге к краю, в попытках заглянуть в бездну, понюхать, перефразируя Вик. Ерофеева, «украинских цветов зла»... Его высокопоставленный отец, пока семья жила еще в Киеве, расхлебывал не однажды последствия сыновних опасных эскапад.

И здесь очень важный момент: свою интеллектуально неискушенную молодую жену (он искренне пола-

гал, что умрет раньше, потому что старше на целых восемь лет) он тоже научил чему-то в этом роде, пел ей свои «песни Мальдорора». Постулатом было то, что искусство, творчество всегда и с необходимостью — взгляд в бездну. Она оказалась идеальной слушательницей подобных проповедей. Помимо природной нервности, ей ли, служительнице мхатовской Мельпомены, было не затвердить прописной пример хоть Михаила Чехова, который три года не выходил на сцену, пребывая в глубокой депрессии, пьянствуя и неоднократно пытаясь покончить с собой. Но каков результат!

Он после ее смерти вспоминал: «С ней никогда не было страшно. Вдвоем. Я боялся летать, но с ней было спокойно: вдвоем и свалимся. И прекрасно». И еще: «Мне кажется, что если бы мы с Леной не встретились, то, может быть, давно уже издохли бы». То есть установка, как говорят в театре, всегда присутствовала — на смертельный «полет». Ему казалось, что в этом полете они поддерживают друг друга. Кажется, так оно и было — до поры до времени.

Никто не напомнил ей вовремя, что многие блистательные художники умерли в своей постели. Не нашлось никого объяснить, что пресловутое «священное безумие», если и присуще актерской профессии, то, продолженное в жизни, есть вещь невыносимая и, главное, пошловатая и уже по одному этому — не вполне профессиональная. Это, увы, неизбежный, но всего лишь соблазн роста — один среди многих, подстерегающих художника, но всего лишь соблазн. Так шаман входит в транс в нужную минуту, а в остальное время живет, как и все соплеменники. Кажется, он это понял

раньше, чем она — «жить как соплеменники» начисто отказывавшаяся.

Репетируя Настасью Филипповну в «Бесноватой» по «Идиоту», она повторяла: «Мне даже страшно. Я так на нее похожа!». Автором пьесы был я, и для пущей «театральности» в последнем акте заставлял уже зарезанную Рогожиным героиню произносить монолог. Она не хотела это играть. Она наивно спрашивала: «Нет, ты скажи, умерла Настасья Филипповна или не умерла?». Она не верила в условность смерти и, оказалось, была права.

Ее выбор

Итак, он вспоминал запоздало, что не оценил всю меру ее депрессии накануне страшного мучительного конца. Он полагал, что депрессия длилась «два дня». Между тем одной из не близких приятельниц за пару недель до случившегося в ответ на вопрос: «Когда и где увидимся?», она бросила с усмешкой: «На моих похоронах». Почти незнакомому автору, позвонившему ей по делу в начале той недели, прошептала в трубку: «Спасите меня, я умираю». Похоже, к своему роковому поступку она заранее готовилась-таки. На то, что прежде чем поджечь себя, она была пусть и в депрессии, но в здравом уме, указывают многие детали. Бутылочку с керосином она сама попросила мужа принести из мастерской. Она усыпила его бдительность, заставив уехать из города, и он ничего не заподозрил, ничего не почувствовал, вернулся в Москву лишь после сообщения, найденного на пейджере в конце дня. Она великолепно

держалась с пасынком всего за два часа до того, как чиркнула зажигалкой. Она помыла блюдечки из-под мороженого, выбросила пустую бутылку и положила на видном месте свой паспорт. И — самая пронзительная деталь — она, будучи одна в квартире душным летним утром, едва встав с постели, облачилась в новое вечернее платье, которое ей очень шло. Об одном она, скорее всего, не подумала: искусственный шелк не горит, а плавится, как смола...

Триумф в «Трех сестрах» дался ей мучительно. В одном из последних интервью она говорила: «Наши «Три сестры» были полутора годами мук. Полгода мы терзали пьесу... Потом начались репетиции — это было ужасно. Я умоляла: «Олег Николаевич, скажите, как я играю?». А он мне отвечал: «Это удручающее зрелище»... Последняя неделя перед премьерой выдалась просто адовой. Ефремов нас замордовал...». Обычная история в театре, к тому же — в данном случае — со счастливым концом.

Конечно, она волновалась перед началом нового сезона: сможет ли повторить свой премьерный триумф. Но это тоже обычное дело. Конечно, в отпуске с безделья попивала — но запоем это не назовешь. А главное, у нее не было отбоя от предложений — последнее, как мы помним, было получено за два дня до смерти.

Стало быть, повод для ее ухода — не в творчестве...

После похорон поползли слухи о романтических поводах — и, как это и ни к месту, скажем и о них. Говорили, мол, у него была женщина. Едва ли не всякий художник, имея помимо дома, где живет с женой, еще и мастерскую, всегда в каком-то смысле ведет двойную

жизнь. Но он был умеренным гулякой. А с ней так почти паинькой, и его мастерская всегда была для нее вторым домом — время от времени они там и жили. К тому же за двенадцать лет брака она могла примириться с его привычками.

Были слухи, напротив, о ее страстном романе с молодым актером, случившемся якобы на последних съемках в экспедиции и якобы прерванном не по ее инициативе по возвращении в Москву. Но и это явная сплетня: вспомним, как, сгорая заживо, отчаянно звала она на помощь мужа...

Остается развести руками и еще раз констатировать, что чужая душа — потемки.

Однако прикинем: она была невероятно честолюбива и к середине жизни достигла всего, что только возможно, пройдя по крутой траектории, как мотоциклист в гонке по вертикальной стене, — взгляните хоть на карту нашей державы, прикиньте хоть вертикальный срез нашего общества. Инерция такого головокружительного движения должна быть очень велика, но куда мчаться дальше: в Париж, в Голливуд, на Луну?

Она доехала до своей конечной станции, и сознание этого было для нее невыносимо...

В последние минуты она устрашилась выбора и попыталась круто свернуть в сторону: позвонила в дверь соседям, как, должно быть, делала не раз, — но те, похоже, успели приустьать от ее хмельных выходок.

И шанс уклониться ей не был подарен.

Но почему такое интимное дело, как сведение счетов с жизнью, она исполнила на людях? Как это ни цинично звучит, это был поистине актерский жест: погиб-

нуть, так сказать, на глазах публики. Для того и надела свое лучшее платье — не в костюмерную же бежать...

Здесь к месту дать слово завлиту МХАТа Анатолию Смелянскому, много лет ее наблюдавшему. Вот что он говорил, комментируя случившееся по горячим — в прямом смысле — следам: «Эта трагическая история вписывается в ряд многих актерских запредельных судеб. Существует некий образ сгорания... который, если поселяется в актере, уже неостановимо ведет его к гибели. Это таинственным образом связано с природой профессии, с тем, что любой настоящий актер живет эмоциями и все, что идет поперек эмоций, его вдруг разламывает»...

Его ответ

На похоронах он был вменяем, трезв и даже смешлив. Это настораживало всех, кто знал его. С первого дня близкие пичкали его транквилизаторами, есть он не мог, и за три дня похудел так, что, и всегда-то худощавый, теперь стал мертвенно худ. Стоя над гробом, шепнул товарищу: «Чувствую, она возьмет меня с собой». Игравшему долгие годы с темой распада и небытия, теперь ему пришлось буквально глядеть смерти в лицо. Лицо у смерти было тем, которое он столько раз запечатлевал на своих полотнах, и в выражении этого лица он угадал собственную посмертную маску.

Рак обнаружили через два месяца. Больница стала для него вторым домом. Он мужественно держался до самого конца. Выходя на волю — работал, общался с друзьями, как встарь. Живо рисовал планы на будущее:

уехать на годик в Америку, где ему предлагали квартиру и мастерскую на Манхэттене. О смерти не говорил.

Эти его последние девять месяцев — ровно девять месяцев, день в день — уже не были посясторонней жизнью в обычном смысле. Случайной корреспондентке он пожаловался: «Никто со мной не хочет о Ленке говорить, как будто...». И не договорил, хотя явно хотел сказать: «Как будто она умерла». Для него она оставалась не то чтобы физически живой, но повседневно присутствующей рядом: он продолжал с ней разговаривать, когда они оставались «с глазу на глаз», разговаривать точно так, как в те времена, когда она часами позировала ему в его мастерской. Наверное, она говорила с ним тоже, как в той постановке по «Идиоту», где она отказывалась играть произносящую последний монолог уже мертвую Настасью Филипповну.

У этой истории нет морали. Кроме одной: сколь хрупки мы все — живые люди. И как эфемерна жизнь, спросите любого врача, — как надувной шарик: поднес зажигалку и — чирк...

Но эта пара, уходя, преподала нам урок. Урок того, что «легкость бытия» действительно может быть непереносимой, как смертельная боль или последнее счастье. И что нести эту ношу нужно с мужеством, какое дарит лишь осознание свой роли на земле. И того еще, что люди бессмертны. Во всяком случае те, кто имеет силы любить и жить каждый день. И того, наконец, что любящие — не расстаются.